

$\bar{V} \frac{14}{21}$

1859 N5-8

$$\begin{array}{r} \overline{14} \\ \underline{14} \\ \hline \end{array} \quad \begin{array}{r} 14 \\ \underline{21} \\ \hline \end{array}$$

Нет дефектов

1710-

270

Ф 2-78
4758

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 5. М А Й.

1859
5-8.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1918

1918

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 5. М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

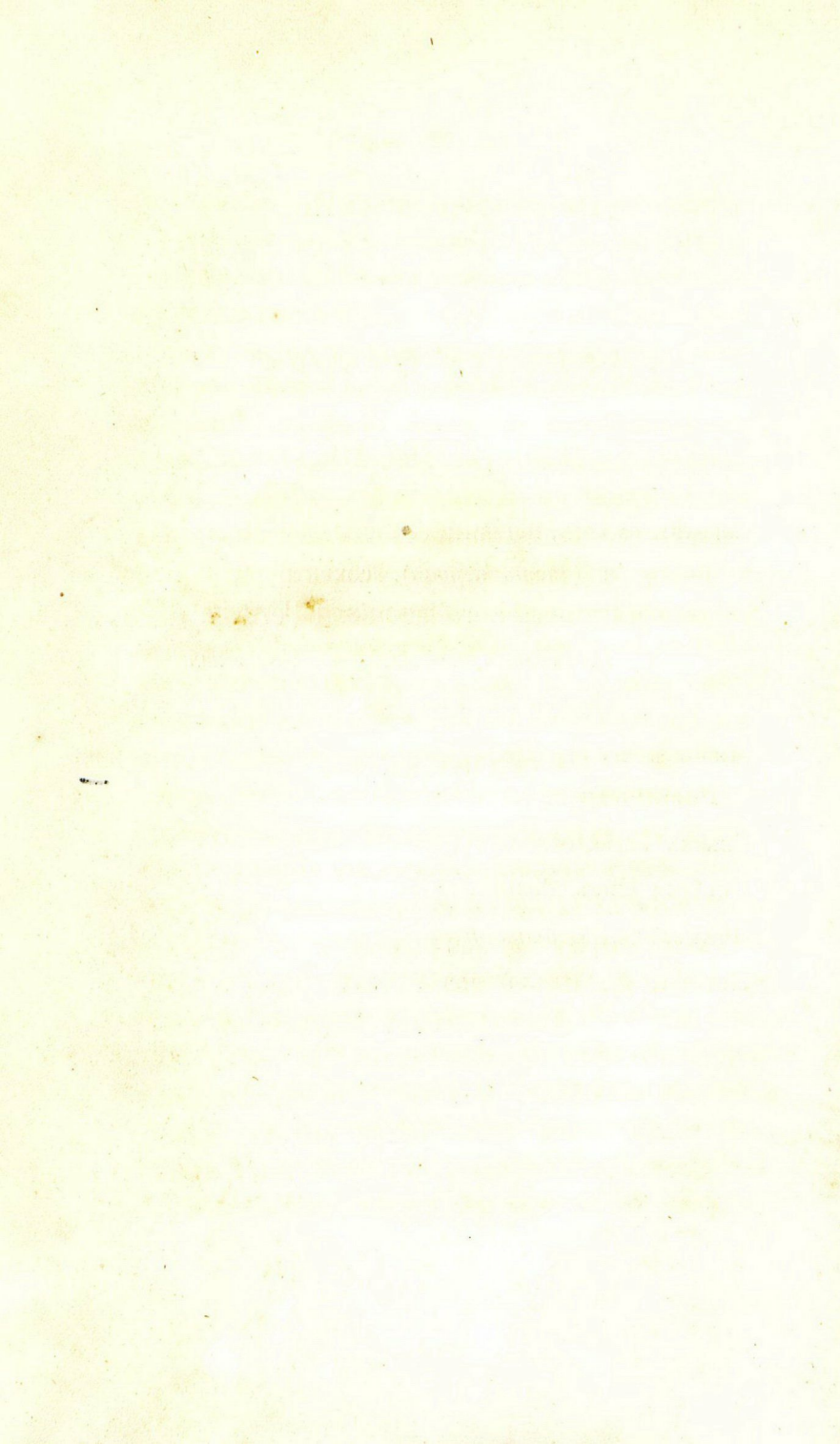
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 8 мая 1859 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

	<i>стр.</i>
Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи (<i>часть первая</i>), сочиненіе аме- риканскаго писателя Натаніэля Готорна: V. <i>На склонъ холма. — Волшебная</i> <i>кружка (съ четырьмя картинками).</i>	1
Пижонъ и Тифонъ (<i>статья первая</i>) Арт. Ризникова	34 —
Сказка естествоиспытателя (<i>съ нѣмецкаго</i>) .	54
Остатки Оивъ Египетскихъ	65
Франклинъ (<i>статья вторая</i>)	81
Лисица, Д. Михайлова	134

СОБРАНИЕ ЧУДЕСЪ,

ПОВѢСТИ, ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ МИОЛОГІИ,

СОЧИНЕНІЕ АМЕРИКАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ

НАТАНІЭЛЯ ГОТОРНА.

(часть первая)

V.

На склонѣ холма.

Какъ вы думаете — въ какое время года и въ какомъ мѣстѣ встрѣтимъ мы теперь нашихъ пріятелей? Уже не зимой, а въ чудесномъ маѣ, уже не около очага тенгльвудскаго, а на крутомъ холмѣ или скорѣе на цѣлой горѣ. Они вышли изъ дома съ самонадѣяннымъ намѣреніемъ возвратиться на этотъ большой холмъ до самой его плѣшивой вершины. Конечно, это еще не значить, чтобы холмъ былъ также высокъ, какъ Чимборазо или Монбланъ, онъ даже былъ ниже Грайлока, но во всякомъ случаѣ, онъ превосхо-

диль высотой тысячи муравейниковъ или миллионы бугорковъ, взрываемыхъ кротоми, и, пропорціонально съ дѣтскими шагами, могъ почитаться за почтенную гору.

Былъ ли съ нашими пріятелями кузень Евстафій? Да можно ли и сомнѣваться въ этомъ? Безъ него книга наша не могла бы подвинуться впередъ. Евстафій Брайтъ находился на весеннихъ каникулахъ и съ виду былъ почти такой же, какимъ мы знали его три-четыре мѣсяца назадъ; только при тщательномъ разсмотрѣніи его верхней губы, на ней можно было примѣтить самыя смѣшныя, крошечныя усики; но, если не обращать вниманія на этотъ знакъ возмужалости, то Евстафій Брайтъ все такой же ребенокъ, какъ въ первый день нашего знакомства съ нимъ. Онъ и теперь такой же веселый, добродушный и сговорчивый, такой же проворный на скачки и ходьбу, съ такимъ же живымъ воображеніемъ, такой же любимецъ маленькихъ нашихъ знакомцевъ. Настоящая экспедиція родилась въ его изобрѣтательномъ умѣ. Въ продолженіе всей дороги, шедшей въ гору, онъ не переставалъ ободрять старшихъ голосомъ и жестами, а когда Душистый горошекъ, Подсѣжникъ и Маргаритка чувствовали сильную усталость, онъ бралъ ихъ по очереди къ себѣ на спину. Такимъ образомъ они миновали виноградники и огороды и достигли

лѣса, который какъ плащъ окутывалъ одну сторону холма.

Май стоялъ восхитительный и день, о которомъ мы говоримъ, былъ самый весенній, самый чудесный, какого только могутъ желать и большіе и малые. Дорогой наши изслѣдователи нашли много голубыхъ и бѣлыхъ фіалокъ, даже нѣсколько золотистыхъ, какъ будто онѣ испытали прикосновеніе руки царя Мидаса. Самый общезитительный изъ цвѣтковъ, нѣжная *густонія* встрѣчалась во множествѣ по тропинкамъ. Этотъ цвѣтокъ никогда не живетъ одинъ: онъ счастливъ только среди множества друзей и родныхъ. Часто можно увидеть цѣлое поколѣніе на кусочкѣ земли не болѣе, какъ въ ладонь. По опушкѣ лѣса росли *колумбій*, скорѣе палевыя, чѣмъ красныя и такія скромныя, что они сочли приличнымъ спрятаться отъ лучей солнца. Попадались также гераниумы и кусты клубники, покрытые тысячами бутоновъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ. Ежовка, которая цвѣтетъ долго, еще не сошла, но она скрывала свои драгоценныя вѣнчики подъ мертвымъ прошлогоднимъ листомъ съ такою заботливостью, какъ птичка, которая прячетъ свое гнѣздышко, такъ что дѣти вдыхали ея аромать, не зная откуда онъ выходитъ.

Среди всей этой юной и свѣжей жизни странно и грустно было смотрѣть на напудренные па-

рики одуванчиковъ, уже перешедшихъ въ сѣмена и достигшихъ осени прежде, чѣмъ пришло лѣто.

Но не станемъ терять времени въ разговорахъ о полевыхъ цвѣтахъ. Дѣти уже усѣлись полукругомъ около Евстафія Брайта, который готовится рассказывать сказку. Самые юные изъ членовъ нашей компаніи нашли, что ихъ маленькія ножонки не пригодны къ трудностямъ настоящей прогулки; по этому Брайтъ предложилъ Подсѣжнику, Душистому горошку, Маргариткѣ и Васильку остаться на поль-дорогѣ и ожидать остальную компанію, пока она возвратится съ вершины горы. Такъ какъ предложеніе имъ не понравилось и имъ не хотѣлось оставаться назади, то студентъ одѣлилъ ихъ яблоками, которыя у него были въ запасѣ, и обѣщаль рассказать чудную исторію. Облако печали исчезло съ ихъ лицъ и смѣнилось веселою улыбкой.

Что касается до исторіи, то я ее слышалъ отъ начала до конца, притаившись за кустарникомъ, и расскажу ее вамъ на слѣдующихъ страницахъ.

ВОЛШЕБНАЯ КРУЖКА.

Въ одинъ изъ вечеровъ глубокой древности старуха Бавкида и Филемонъ, ея мужъ-старикъ, сидѣли на порогѣ своей хижины, любуясь великолѣпнымъ солнечнымъ закатомъ. Они только-что поужинали и намѣрены были подышать свѣжимъ воздухомъ часикъ или два, прежде чѣмъ лечь спать. Садикъ, корова, виноградная лоза, покрывавшая стѣны ихъ домика и отягченная почти зрѣлыми гроздями, — составляли предметъ ихъ разговора. Вдругъ дикіе крики дѣтей и ожесточенный лай собакъ смутили ихъ и скоро до того усилились, что Филемонъ и Бавкида почти не слышали другъ друга.

«Жена, сказалъ Филемонъ, возвышая голосъ: — это, вѣрно, какой нибудь путникъ, который заблудился и ищетъ пристанища у нашихъ сосѣдей, а они, вмѣсто того, чтобы дать ему начлегъ и накормить, по своему обыкновенію травятъ его собаками!»

— Да смилуются боги! возразила Бавкида:

— хорошо, еслибъ у нихъ было побольше состраданья къ ближнимъ!... Грустно подумать, что они воспитываютъ дѣтей въ такихъ дурныхъ правилахъ и сами учатъ ихъ бросать камни въ чужестранцевъ!...

«Да, эти дѣти не много добра сдѣлають! промолвилъ старикъ, покачавъ своею сѣдою головой: — Откровенно тебѣ сказать, меня нисколько бы не удивило, еслибъ какое нибудь страшное несчастье разразилось надъ всѣмъ населеніемъ, если оно не исправится.... Нѣтъ, ужъ мы съ тобою, жена, пока Провидѣнье не откажетъ намъ въ коркѣ хлѣба, мы, — не правда ли? — всегда будемъ готовы раздѣлить ее съ каждымъ путникомъ.»

— Конечно, отвѣчала Бавкида: — всегда раздѣлимъ.

Надо вамъ сказать, — эти два старые человѣка жили въ нищетѣ, доставая себѣ насущный хлѣбъ тяжелыми трудами. Филемонъ обрабатывалъ садъ, а Бавкида пряла, сбивала масло и готовила немного сыра изъ молока отъ своей коровы, или занималась какой нибудь хозяйственной работой въ домѣ. Хлѣбъ, молоко и зелень, иногда немножко медку изъ улья, да вѣтка винограда отъ времени до времени — вотъ, что составляло ихъ пищу. Не смотря на бѣдность, сердце у нихъ было самое щедрое. Скорѣе сами остались бы они безъ обѣда, а ужъ ни за что не отказали бы въ кускѣ хлѣба,

чашкѣ молока или ложкѣ меда прохожему, котораго усталость привела бы къ дверямъ ихъ хижины. Для нихъ такой гость было лицо священное и они заботились о немъ больше, чѣмъ сами о себѣ.

Хижина ихъ стояла на небольшомъ холмѣ, у подножья котораго, въ ущельѣ, расположено было селенье; ущелье это, шириною въ полъ-мили, при началѣ свѣта, вѣроятно, наполнено было водою, такъ что образовывало озеро; въ прозрачной влагѣ бѣгали и сутились рыбы, вдоль береговъ ростъ тростникъ, деревья и пригорки отражались въ зеркальной поверхности; но, по мѣрѣ того, какъ вода убывала, люди обрабатывали обнажавшуюся землю, строили дома, засѣвали поля, такъ-что наконецъ эта мѣстность совершенно измѣнилась, и теперь, между жилищами, прстекалъ только маленькій ручеекъ. Озеро высохло съ незапамятныхъ временъ, такъ что на его мѣстѣ выросли уже дубы и сдѣлались большими и крѣпкими деревьями, наконецъ они погибли отъ старости, и смѣнились другими, такими же величавыми, какъ и ихъ предшественники. Рѣдко можно было встрѣтить такую красивую долину, съ такою роскошною растительностію. Одинъ видъ всеобщаго изобилія долженъ бы былъ вселять доброту и кротость въ сердца обитателей этой долины и наполнять эти сердца благодарностію къ творцу земли и участіемъ къ ближнему.

Съ грустію долженъ я сказать вамъ, однакоже, что люди, населявшіе этотъ очаровательный уголокъ, недостойны были жить въ этомъ любимомъ богами мѣстечкѣ. Это былъ народъ себялюбивый и черствый, не имѣвшій жалости къ нищетѣ и горю. Если имъ говорили, что люди должны любить другъ-друга, и что это единственный способъ возблагодарить провидѣніе за его любовь и заботливость о насъ, то они смѣялись съ презрѣніемъ. Повѣрители вы: эти негодные и дѣтямъ-то своимъ не внушали ничего хорошаго и еще одобряли маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, когда они, завидѣвъ бѣднаго чужеземца, преслѣдовали его неистовыми криками и градомъ камней! У нихъ были большія собаки, очень злыя; когда на улицѣ селенья появлялся путникъ, то этихъ собакъ уськали на него и онѣ бросались на бѣднягу съ лаемъ, ворчаньемъ, оскаливъ зубы и хватая его за ноги или за платье, которое въ одну минуту превращалось въ лохмотья.... А иногда путникъ былъ человѣкъ больной, слабый, старый или немочный! За то, если кому случилось испытать злобу жителей и собакъ этого мѣстечка, тотъ лучше дастъ нѣсколько верстъ крюку, а ужъ низзачто, не пойдетъ снова по этому селенью.

А между тѣмъ, когда по странѣ проѣзжалъ богачъ, въ каретѣ, съ свитою слугъ въ блестящихъ ливреяхъ, тогда жители дѣлались самыми низ-

копеклонными. Если ихъ дѣти какъ нибудь не почтительно обходились съ такими богатыми особами, то ужь ихъ навѣрно ожидало престрогое наказанье, точно также, какъ и собакъ, если онѣ осмѣливались залаять на кокого нибудь богача: на несчастную сыпался градъ палочныхъ ударовъ, а потомъ ее запирали въ конуру и не давали ѣсть.

Все бы это было прекрастно, еслибъ поселяне не доказали, что они имѣють болѣе въ виду деньги въ карманахъ богачей, а вовсе не ихъ душу, которая одинакова и у нищаго, и у принца.

Теперь вамъ понятно, почему Филемонъ выразился съ такою горечью, услыхавъ крики дѣтей и лай псовъ. Гамъ и гвалтъ продолжался и наполнилъ всю долину.

«Никогда собаки не лаяли съ такимъ ожесточеніемъ!» произнесъ добрый старикъ.

— Да и дѣти-то какъ кричатъ! прибавила Бавкида.

Они смотрѣли другъ на друга, покачивая головами, а между тѣмъ шумъ приближался. Скоро они увидали у подножья холма двухъ путниковъ, направлявшихъ къ ихъ хижинѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи бѣжала толпа маленькихъ негодяевъ, наполнявшихъ воздухъ пронзительными криками и бросавшихъ въ путниковъ камнями. Раза два младшій изъ нихъ останавливался и отгонялъ со-

бакъ палкою. Его спутникъ, болѣе почтенныхъ лѣтъ и степеннаго вида, сохранялъ совершенное хладнокровіе, какъ будто онъ не удостоивалъ обращать вниманіе на маленькихъ негодяевъ и свору собакъ, которымъ они подражали.

Оба путешественника были одѣты чрезвычайно просто и не имѣли вида людей, у которыхъ есть деньги, чтобы заплатить за ночлегъ и ужинъ: вотъ поэтому-то, вѣроятно, поселяне и позволили своимъ дѣтямъ такъ непривѣтливо встрѣтить ихъ.

«Пойдемъ, жена, сказалъ Филемонъ Бавкидѣ: — пойдемъ имъ на встрѣчу. У нихъ едва достанетъ силы взобраться на холмъ и они, вѣроятно, голодны.»

— Ступай одинъ, возразила Бавкида: — а я между тѣмъ загляну, есть ли у насъ что нибудь на ужинъ: чашка молока съ хлѣбомъ всего лучше подкрѣпитъ ихъ.

И она поспѣшно вошла въ хижину. Филемонъ приблизился къ незнакомцамъ и такъ гостепріимно протянулъ имъ руку, что слѣдующія слова, произнесенныя имъ самымъ ласковымъ голосомъ, были совершенно излишни:

«Милости просимъ, друзья мои: войдите и отдохните въ моей хижинѣ.»

— Благодарю, отвѣчалъ младшій путникъ съ чрезвычайною живостью, не смотря на волненіе

и усталость: — Приёмъ твой совершенно не походитъ на тотъ, который мы встрѣтили въ деревнѣ. Какъ можете вы жить въ такомъ дурномъ сосѣдствѣ!

— О, отвѣчалъ Филемонъ съ добродушною улыбкой: — я надѣюсь, Провидѣнье помѣстило меня здѣсь, между прочимъ, для того, чтобы я могъ въ отношеніи къ вамъ выполнить то гостеприимство, въ которомъ вамъ отказали мои сосѣди.

«Хорошо сказано, старина! воскликнулъ путникъ со смѣхомъ: — Правду сказать, такое гостеприимство намъ очень кстати. Эти жестокосердые мальчишки бросали въ насъ камнями и кусками грязи, а одинъ изъ псовъ разорвалъ мой плащъ, который и безъ того былъ не въ завидномъ положеніи; но я такъ треснулъ собаку палкой по мордѣ, что ты отсюда, чай, слышалъ, какъ она взвизгнула.»

Филемонъ былъ очень радъ, что несчастный путникъ такого веселаго нрава. По его виду и походкѣ, никакъ нельзя было подумать, что онъ измучился отъ продолжительной ходьбы. На немъ была странная одежда; голова была прикрыта шапочкой, поля которой загибались кверху надъ ушами. Хотя время стояло лѣтнее, онъ, однако же, тщательно прикрывался плащемъ, быть можетъ потому, что нижнее платье его было въ

лохмотьяхъ. Филемонъ примѣрилъ у него на ногахъ пресмѣшную пару башмаковъ, но такъ какъ уже совершенно стемнѣло, а чистотою зрѣнія онъ не могъ похвастаться, то онъ и не повѣрилъ вполне первому впечатлѣнію. Впрочемъ, его поразило одно обстоятельство: путникъ былъ до того подвиженъ и легокъ, что, казалось ноги его хотѣли отдѣлиться отъ земли и оставались на ней только въ слѣдствіе нѣкотораго усилія.

«Да, и я въ юности былъ легокъ на ходу, сказалъ Филемонъ незнакомцу: — но я постоянно замѣчалъ, что ноги мои становились тяжеле съ наступленіемъ ночи.»

— Хорошая палка прекрасно помогаетъ при ходьбѣ, отвѣчалъ путникъ: — а у меня отличная, — посмотри-ка!

Старикъ никогда не видывалъ такой удивительной палки. Она была изъ оливковаго дерева и оканчивалась двумя маленькими крылышками; около нея обвивались двѣ змѣи, сдѣланныя такою искусною рукою, что Филемонъ готовъ былъ принять ихъ за живыя и утверждать, что онѣ извиваются и шипятъ.

— Какая изумительная работа! воскликнулъ онъ: — палка съ крыльями! Она можетъ служить отличнымъ конькомъ для маленькаго мальчика.

Тутъ они подошли къ дверямъ хижины.

«Друзья мои, сказалъ старикъ: — садитесь на эту скамью и отдохните. Жена пошла посмотреть, что можетъ она дать вамъ на ужинъ. Мы не богаты, но располагайте всѣмъ, что есть въ домѣ.»

Младшій гость безопасно усѣлся на скамью и при этомъ уронилъ свою палку: тутъ случилось обстоятельство невѣроятное, хотя само по себѣ незначущее. Палочка поднялась сама съ пола и, развернувъ свои крылышки, припрыгивая и перелетая, достигла стѣны, прислонилась къ ней и осталась въ совершенномъ покоѣ, только змѣи продолжали извиваться. Но я увѣренъ, что зрѣніе обмануло Филемона относительно послѣдняго обстоятельства.

Онъ только-что хотѣлъ предложить младшему путнику вопросъ о его чудной палкѣ, когда старшій обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью, произнесенною замѣчательно важнымъ тономъ:

«Въ прежнее время не было ли озера на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь это селенье?»

— Только не на моей памяти, мой другъ, отвѣчалъ Филемонъ: — хоть я и очень, очень старъ, какъ ты видишь. Я всегда видѣлъ на этомъ мѣстѣ луга и поля, большія деревья и маленькій ручеекъ, который журчитъ въ глубинѣ долины. Отецъ мой и отецъ моего отца тоже ничего другого не видали, да, вѣроятно, тоже

самое будетъ, когда и я отправлюсь на тотъ свѣтъ, и послѣ меня тоже....

— Никто не можетъ утверждать этого, возразилъ незнакомецъ, голосъ котораго принялъ какое-то повелительное выраженіе; онъ потрясъ головою и отъ этого движенія его черные, густые волосы сильно заколыхались: — Такъ какъ жители этой страны утратили чувства, данныя имъ природою, то лучше бъ было, еслибъ озеро снова наполнило долину водою и уничтожило бы всякій слѣдъ ихъ существованія.

И лицо его приняло такое строгое выраженіе, что Филемонъ почти испугался; тѣмъ болѣе, что въ ту минуту, какъ незнакомецъ нахмурилъ брови, небо мгновенно покрылось самымъ темнымъ облакомъ, а когда онъ потрясъ головою, то раздались удары грома.

Спустя нѣсколько минутъ лицо его прояснѣло и сдѣлалось такимъ добродушнымъ, что старикъ забылъ свой первый страхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ подумалъ, что путникъ не простой какойнибудь смертный, не смотря на его скромную одежду и на способъ путешествовать — пѣшкомъ. Конечно, Филемонъ не воображалъ, что это какойнибудь переодѣтый принцъ или вообще какаянибудь важная особа; онъ полагалъ, что незнакомецъ, вѣроятно, нѣкій ученый философъ, путешествующій въ бѣдной одеждѣ изъ презрѣнія къ

богатствамъ и роскоши, и помышляющій лишь о томъ, чтобъ обогатить умъ свой знаніями. Мысль эта еще болѣе укоренилась въ Филемонѣ тогда, когда онъ, взглянувъ на незнакомца, увидалъ въ одномъ взглядѣ его больше думы и мыслей, чѣмъ было въ его собственной головѣ въ продолженіе всей жизни.

Пока Бавкида собирала ужинъ, путники вступили въ дружескій разговоръ съ хозяиномъ. Младшій былъ большой говорунъ и дѣлалъ такія умныя и ѣдкія замѣчанія, что добрый старикъ безпрестанно хохоталъ и объявлялъ, что такого весельчака ему еще никогда не приводилось видѣть.

— Милый юноша, сказалъ Филемонъ: — какъ зовутъ тебя?

— Ты видишь, отвѣчалъ путникъ, — что я чрезвычайно живъ и подвиженъ: поэтому зови меня Ртутью — это имя мнѣ очень прилично.

— Ртуть! повторилъ Филемонъ, глядя ему въ лицо, чтобы удостовѣриться, не смѣется ли онъ надъ нимъ: — Странное имя для человѣка! У твоего товарища такое же диковинное прозвище?

— Объ этомъ спроси у грома и онъ тебѣ отвѣтитъ, возразилъ Ртуть таинственно: — нѣтъ такого сильного голоса, который могъ бы произнести его имя.

Въ шутку или серьезно было сдѣлано это за-

мѣчаніе, однако же оно внушило бы Филемону глубокой ужасъ, еслибъ, взглянувъ украдкой на лицо старшаго незнакомца, онъ не встрѣтилъ выраженія величайшей благосклонности. Вся фигура его была исполнена чрезвычайнаго благородства; его важная рѣчь въ тоже время была такъ убѣдительно и кротка, что Филемону захотѣлось открыть ему всю душу. У него, человѣка простаго и добродушнаго, тайнъ никакихъ не было и онъ съ полною откровенностію говорилъ съ путниками о нехитрыхъ событіяхъ своей жизни, въ продолженіи которой онъ и на двадцать верстъ не отлучался отъ мѣста своего рожденія. Онъ жилъ съ женою въ этой хижинѣ съ самой юности, честнымъ трудомъ добывали они себѣ хлѣбъ, были всегда бѣдны, но за то всегда довольны своею судьбой. Рассказывалъ старикъ, какое славное масло и вкусные сыры дѣлаетъ его жена и какія сочныя овощи растутъ у него въ огородѣ, рассказалъ также объ ихъ обоюдной, нѣжной любви и о желаніи, чтобъ смерть не разлучила ихъ, а чтобъ они могли умереть вмѣстѣ, какъ и жили вмѣстѣ.

По мѣрѣ того, какъ незнакомецъ слушалъ рассказъ, улыбка все болѣе и болѣе озаряла его черты и придавала имъ видъ необыкновенной кротости, соединенной съ его обычнымъ благородствомъ.

«Ты добрый старикъ, сказалъ онъ: — и добрая у тебя подруга. Справедливость требуетъ, чтобы желаніе ваше исполнилось.»

Въ эту минуту Филемону показалось, что солнце заблестѣло на западѣ съ необычайнымъ блескомъ и охватило все небо внезапнымъ свѣтомъ.

Бавкида, собравъ на столъ, вышла изъ хижины и извинилась, что ужинъ будетъ скудный.

«Знай мы заранѣе о вашемъ приходѣ, сказала она: — мы бы сами не ѣли хлѣба, а оставили бы для васъ. Почти все молоко я употребила на сыръ, а хлѣбца остался небольшой кусокъ; если я сокрушаюсь когда о нашей бѣдности, то это тогда, когда путникъ постучится у нашихъ дверей.»

— Э, все отлично! не безпокойся, добрая женщина, перебилъ ее ласково старшій путникъ: — Честный пріемъ, сдѣланный отъ чистаго сердца, чудеса творить и можетъ превратить самыя грубыя кушанья въ самую чудную амброзію.

— О, что касается до пріема, то онъ чисто-сердеченъ, подхватила Бавкида: — По счастью, у меня уцѣлѣло немножко медку и вѣтка спѣлага винограда.

— Чего же еще, тетушка? воскликнулъ Ртуть: — да это цѣлый пиръ! Посмотришь, какъ я угощусь! Никогда еще не чувствовалъ я такого аппетита!

— Небо милосердное! пробормотала Бавкида на ухо мужу: — если онъ такъ голоденъ, то имъ нечѣмъ будетъ поужинать!

Всѣ четверо вошли въ хижину.

Теперь, мои милые слушатели, хотите ли, я скажу вамъ такую вещь, что вы рты разините отъ изумленія? Это самое интересное мѣсто изъ всего разказа. Палочка Ртути, какъ вы помните, прислонилась къ стѣнѣ хижины. Когда ея хозяинъ поставилъ ногу на порогъ, она захлопала крылышками, полетѣла и начала скакать, съ ступеньки на ступеньку! Токъ, токъ, токъ! простучала она по кухонному полу и до тѣхъ поръ не утомилась, пока не нашла себѣ мѣстечка подлѣ стула Ртути, гдѣ и помѣстилась съ презабавною важностью. Филемонъ и жена его такъ занялись гостями, что не замѣтили продѣлки чудесной палочки.

Дѣйствительно, для проголодавшихся странниковъ ужинъ былъ скудный. По среди стола лежали остатки ситнаго хлѣба, съ одной стороны немножко сыру, а съ другой медовый сотъ; кромѣ того, для каждаго изъ пришельцевъ приготовлено было по вѣткѣ винограда. Глиняная кружка, небольшого размѣра, стояла на одномъ углу стола; когда Бавкида налила изъ нея по чашкѣ молока, то въ ней почти ничего не осталось. Грустно, когда обстоятельства не позво-

ляютъ доброму человѣку дѣлать добро! Бавкида была бы счастлива, еслибъ могла предложить незнакомцамъ лучшій ужинъ, хотя бы это стоило ей цѣлой недѣли лишеній и поста.

Взглянувъ на скудную пищу, она не могла не пожелать, чтобъ аппетитъ путниковъ былъ не такъ силенъ. Однакоже, только что они усѣлись, какъ залпомъ выпили налитое для нихъ молоко, такъ что на доньшкѣ капельки не осталось!

— Еще молочка, добрая хозяйшка! сказалъ Ртуть: — День стоялъ прежаркій и у меня въ горлѣ страшно пересохло!

— Друзья мои, проговорила Бавкида, совсѣмъ сконфузившись: — да въ кувшинѣ ничего не осталось....

— Э! воскликнулъ Ртуть, быстро поднявшись съ мѣста и взявъ кружку за ручку: — дѣла не въ такомъ дурномъ положеніи, какъ тебѣ кажется; молока еще довольно и даже столько, что мы и не выпьемъ.

И съ этими словами, онъ къ великому изумленію старушки, налилъ полную чашку себѣ и своему товарищу. Хозяйка не вѣрила глазамъ: она знала очень хорошо, что вылила почти все молоко, и помнила, что, ставя кружку на столъ, съ отчаяніемъ заглянула въ нее.

«Впрочемъ, я стара, подумала она: — могла и

забыть. Я, можетъ быть, ошиблась. Но ужъ теперь въ кружкѣ навѣрно нѣтъ ничего.»

— Какое чудное молоко! сказалъ Ртуть, выпивъ вторую чашку: — Извини, хозяйка, а я еще попрошу.

Бавкида ясно видѣла, что Ртуть, наливъ по второй чашкѣ, перевернулъ кружку и слѣдовательно въ ней не осталось ни капельки. Желая, однакоже, убѣдить его въ этомъ, она взяла кружку и наклонила ее, вполне увѣренная, что изъ нея не вытечетъ ничего. Каково же было ея изумленіе, когда изъ кружки полилась въ чашку цѣлая струя пѣнистаго молока, которое наполнило ее до краевъ и даже разлилось по столу!... Двѣ змѣи, обвинявшія палочку Ртути, вытянули свои головы и принялись локать пролитое молоко; ни Филемонъ, ни Бавкида не примѣтили этого обстоятельства.

И какъ ароматно было это молоко! Можно было подумать, что въ этотъ день корова Филемона щипала самую пахучую траву въ цѣломъ селѣ.

«Теперь, тетка, сказалъ Ртуть: — дай-ка мнѣ кусокъ хлѣба и немножко меду.»

Бавкида отрѣзала ломоть; не смотря на то, что хлѣбъ, когда его ѣли мужъ и жена, былъ черствъ и не очень вкусенъ, теперь онъ сдѣлался пѣженъ и смаченъ, какъ только-что вынутый

изъ печи. Бавкида попробовала одну крошку, упавшую на столъ: она никогда не ѣдала такого чудеснаго хлѣба и не хотѣла вѣрить, что сама мѣсила тѣсто. А между тѣмъ крошка дѣйствительно отдѣлилась отъ того самого хлѣба, который она приготовляла, и должна была быть одинаковаго вкуса съ остальнымъ караваемъ.

Что касается до меда, такъ ужь лучше мнѣ и не пытаться рассказывать вамъ, какъ онъ веселилъ взоры и щекоталъ обоняніе! Онъ былъ цвѣта самаго чистого золота, прозраченъ, какъ топазь, и распространялъ запахъ цвѣтовъ, да вѣдь такихъ цвѣтовъ, какихъ вы никогда не увидите въ земныхъ садахъ и за которыми пчелы должны были подниматься далеко выше облаковъ. Удивительно, какъ онъ, полетавъ среди ароматныхъ цвѣтниковъ пососавъ изъ вѣчно раскрытыхъ цвѣточныхъ чашечекъ, согласились спуститься въ садъ Филемона. Нѣжный запахъ отъ меда наполнялъ всю хижину; закрывъ глаза, вы бы вообразили, что лежите въ колыбели изъ небесной жимолости.

Бавкида, несмотря на свою простоту и немолодые года, сообразила, что во всемъ этомъ есть что-то сверхъестественное. Падавъ гостямъ хлѣба и меда, и положивъ передъ каждымъ изъ нихъ по вѣткѣ винограда, она сѣла подлѣ мужа и сообщила ему на ухо свои соображенія.

«Видалъ ли ты что нибудь подобное?» спросила она его.

— Не видалъ, проговорилъ онъ съ улыбкою: — Я тоже думаю, мой другъ, что у тебя голова идетъ кругомъ. Еслибъ я самъ наливалъ молоко, то видѣлъ бы яснѣе, чѣмъ ты: просто, въ кружкѣ было больше, чѣмъ ты думала.

«Что хочешь говори, а это люди необыкновенные.

— Не спорю, отвѣчалъ Филемонъ, не переставая улыбаться: — Вѣрно то, что наши гости знавали лучшіе дни. Какъ бы то ни было, я очень радъ, что они съ такимъ аппетитомъ паужинали.

Въ это время путники принялись за виноградъ. Бавкидѣ, которая протерла глаза, чтобъ видѣть яснѣе, показалось, что кисти увеличились и каждая ягода чуть не лопала отъ сока. Рѣшительно непонятно, какъ отъ такой чахлой лозы могли получиться такія чудныя грозди!

— Славный виноградъ! проговорилъ Ртуть, глотая ягоду за ягодой, отчего, однакоже, вѣтка не уменьшалась: — Скажи мнѣ, пожалуйста, Филемонъ, откуда ты досталъ его?

— Съ моей лозы; вотъ, ты можешь и вѣтку видѣть черезъ окно. Только ни мнѣ, ни женѣ нашъ виноградъ никогда не казался очень вкусенъ.

— А я никогда не ѣдалъ лучшаго! подхватилъ незнакомецъ: — Еще чашечку вашего чудеснаго

молока, и я могу сказать, что поужиналъ на славу.

На этотъ разъ Филемонъ самъ взялъ кружку, потому что хотѣлъ удостовѣриться есть ли хоть тѣнь правды въ томъ, что ему сообщила Бавкида. Онъ зналъ, что жена его неспособна солгать и что она рѣдко ошибается въ своихъ предположеніяхъ. Поднявъ кружку, онъ быстро заглянулъ внутрь и съ удовольствіемъ увидалъ, что молока нѣтъ ни капли. Вдругъ онъ примѣтилъ, что со дна поднялась молочная струйка и кружка быстро наполнилась жидкостью. Въ смущеніи, старикъ чуть не выпустилъ сосуда изъ рукъ.

«Кто же вы, путники, совершающіе такіа чудеса?» воскликнулъ онъ, изумленный больше жены.

— Просто твои гости, любезный Филемонъ, твои друзья, произнесъ старшій путникъ кроткимъ, проникающимъ душу голосомъ: — Дай мнѣ чашку молока; желаю, чтобъ эта кружка была всегда полна для тебя и для твоей жены, и для прохожихъ, которые будутъ томиться жаждою....

По окончаніи ужина, незнакомцы попросили позволеніе отдохнуть. Старики были бы не прочь потолковать съ ними подольше и выразить имъ свой восторгъ и удовольствіе, которое они испытываютъ, видя, что дрянной, скудный ужинъ превратился въ изобильный и вкусный. Но лицо благороднаго незнакомца внушало имъ такое по-

чтеніе, что они не посмѣли предложить ему новыхъ вопросовъ. Однакоже, когда Филемонъ отвелъ въ сторону Ртуть и просилъ растолковать ему, какимъ образомъ въ старой глиняной кружкѣ могъ явиться цѣлый потокъ молока, Ртуть указалъ пальцемъ на свою палочку и сказалъ:

— Вся тайна въ ней и если ты можешь мнѣ объяснить это, такъ я тебѣ буду очень благодаренъ. Она безпрестанно дѣлаетъ со мною такія штуки: иногда она доставляетъ мнѣ ужинъ, а иногда, и это большею частью, лишаетъ меня ужина. Еслибъ я вѣрилъ въ такіе пустяки, то сказалъ бы, что она заколдованная.

И, не прибавивъ ни слова больше, онъ такъ насмѣшливо взглянулъ на стариковъ, что они подумали, будто онъ принимаетъ ихъ за простяковъ. Волшебная палочка поскакала за своимъ хозяиномъ и они оба исчезли за дверью. Оставшись одни, Филемонъ и Бавкида потолкавали обо всемъ случившемся, легли на полъ и заснули глубокимъ сномъ.

Проснулись они раннимъ утромъ. Путники тоже поднялись съ солнышкомъ и собрались въ дорогу. Филемонъ былъ такъ гостепріименъ, что предложилъ имъ остаться у него подольше. «Бавкида, сказалъ онъ имъ: — подоить корову, посадить пирогъ въ печку и дать свѣжихъ яицъ на завтракъ.» Но они не приняли предложенія, такъ какъ хотѣли сдѣлать большой переходъ до наступленія

жары, и попросили Филемона и Бавкиду проводить ихъ немного, чтобы указать имъ дорогу.

Всѣ четверо вышли изъ хижины, болтая, какъ старинные знакомые.

«Да! сказалъ Филемонъ, когда они отошли довольно далеко отъ дома: — еслибъ сосѣди знали, какое удовольствіе испытываетъ гостепріимный человѣкъ, такъ не позволяли бы своимъ собакамъ лаять на несчастныхъ и своимъ дѣтямъ провожать ихъ камнями.»

— И стыдно, и грѣшно вести себя такъ! подхватила съ жаромъ Бавкида: — Я сегодня же пойду къ нимъ и скажу, что они презлые люди!

— Мнѣ сдается, замѣтилъ Ртуть съ коварной усмѣшкой: — что ты никого не найдешь дома.

Въ эту минуту чело старшаго путника приняло выраженіе суровое, не теряя однакоже своей обычной ясности. Филемонъ и Бавкида замѣтили это и не осмѣлились произнести ни одного слова, а только съ почтеніемъ подняли глаза на его величественный ликъ.

— Когда люди не имѣютъ къ самому послѣднему изъ своихъ ближнихъ тѣхъ же чувствъ, какъ бы къ брату, заговорилъ онъ голосомъ, зазвучавшимъ какъ гармоническій органъ: — то эти люди недостойны жить на землѣ, созданной для лица всѣхъ племенъ человѣческихъ.

— Ахъ, друзья мои, воскликнулъ Ртуть самымъ

насмѣшливымъ и плутоватымъ тономъ: — да гдѣ же селенье, о которомъ вы сейчасъ говорили? Я никакихъ слѣдовъ не вижу.

Филемонъ и Бавкида обратили взоры къ сторонѣ долины, гдѣ наканунѣ, при закатѣ солнца, они видѣли луга, поля, дома, сады, рощи, широкую улицу, оживленную играми дѣтей, однимъ словомъ всѣ дары природы, всѣ признаки труда и благоденствія... Представьте ихъ изумленье: ни селенья, ни полей! все исчезло и лишь спокойное голубое озеро представлялось ихъ глазамъ. Окрестные холмы смотрѣлись въ его поверхность такъ же спокойно, какъ будто оно было тутъ съ сотворенія свѣта. Озеро было гладко, какъ зеркало; потомъ поднялся вѣтерокъ, который зарыбилъ воду, солнечные лучи заиграли по этой ряби и волны съ тихимъ ропотомъ побѣжали къ берегамъ....

Это зрѣлище произвело на стариковъ странное впечатлѣнiе. Сначала имъ показалось, что озеро всегда находилось на этомъ мѣстѣ и всякое другое воспоминанiе было не болѣе, какъ сонъ. Потомъ въ умѣ ихъ ясно возникли дома, жители и ихъ нравы.... Нѣтъ, это не сонъ! Дѣйствительно, селенье, еще вечера красовавшееся въ долинѣ, исчезло на всегда!

— Увы! воскликнули старики въ одинъ голосъ и сердце ихъ облилось кровью: — что же случилось съ нашими несчастными сосѣдями?

— Они уже не существуютъ въ той формѣ, въ которой вы знавали ихъ, сказала таинственный путникъ своимъ важнымъ и звучнымъ голосомъ.

Раскатъ грома отвѣтилъ этимъ словамъ, какъ отдаленное эхо.

— Ихъ жизнь, продолжалъ онъ: — утратила красоту, не приносила никакой пользы, потому что они никогда не облегчали участи ближнихъ, никогда не произносили словъ утѣшенья. Въ сердцахъ ихъ не сохранилось ни одного человѣческаго чувства.... По этому озеру, которому долина служила когда-то ложемъ, теперь снова вступило въ свои владѣнія и отразило въ своихъ водахъ небесный сводъ.

— А что касается до безумныхъ людей, жившихъ въ этой долинь, прибавилъ Ртуть, смѣясь въ кулакъ: — они всѣ превращены въ рыбъ. И такое превращенье не трудно было сдѣлать съ презрѣнными существами, у которыхъ сердца были покрыты чешуею, а въ жилахъ текла холодная кровь. Такимъ образомъ, милая Бавкида, если тебѣ отнынѣ захочется поѣсть форели, мужъ твой заброситъ удочку и выудитъ полдюжины вашихъ прежнихъ сосѣдей!

— О, воскликнула Бавкида, содрагаясь отъ ужаса: — ни за какія сокровища въ свѣтѣ не хотѣла

бы я положить на сковроду ни одной рыбы изъ этого озера.

— Конечно, подхватилъ Филемонъ, на лицѣ котораго также изображалось отвращеніе: — мы никогда не съѣдимъ ни одной!

— Что касается до тебя, добрый Филемонъ, снова заговорилъ старшій незнакомецъ: — и до тебя, моя милая Бавкида, то вы, при такихъ ограниченныхъ средствахъ, такъ чистосердечно оказывали гостепрїимство прохожимъ, лишеннымъ крова и пристанища, что ваше молоко превратилось въ неизсякаемый источникъ нектара, а вашъ хлѣбъ и медъ — въ амброзію. Боги пришли и сѣли за вашъ столъ и насытились тѣми же блюдами, которыя подаются имъ за ихъ пиршествами на Олимпѣ. Добрые и старые друзья мои! вы жили благочестиво и я хочу вознаградить васъ исполненіемъ всего, что можетъ пожелать ваше сердце.

Филемонъ и Бавкида взглянули другъ на друга; не знаю, кто заговорилъ первый, только который-то изъ нихъ сказалъ:

— Да позволено намъ будетъ жить вмѣстѣ и умереть въ одну и ту же минуту, потому что мы всегда любили другъ друга.

— Пусть будетъ такъ! произнесъ незнакомецъ съ величественнымъ добродушіемъ: — Теперь взгляните на вашу хижину!

Какая перемѣна! и каково было изумленіе ста-

риковъ, когда они увидали чудный дворецъ изъ бѣлаго мрамора, украшенный широкимъ портикомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде ихъ скромная хижина!

— Вотъ отнынѣ ваше жилище, прибавилъ путникъ, бросивъ на нихъ взоръ, исполненный отеческой любви: — Будьте и въ немъ также гостепріимны, какъ вы были гостепріимны въ отношеніи къ намъ вчера вечеромъ въ вашей бѣдной хижинѣ.

Старики упали на колѣни, чтобы выразить свою признательность... но ихъ благодѣтель и Ртуть уже исчезли....

Съ этого дня Филемонъ и Бавкида поселились въ прекрасномъ мраморномъ дворцѣ, испытывая мирное и живое наслажденіе всякій разъ, какъ имъ случалось принимать къ себѣ странниковъ. Я долженъ сказать вамъ, что глиняная кружка сохранила способность всегда содержать въ себѣ молоко. Когда гость, у котораго было сердце великодушное и честное, наливалъ себѣ чашку этого напитка, онъ объявлялъ, что еще никогда не приводилось ему подносить къ губамъ такого пріятнаго и крѣпительнаго питья; напротивъ, — если гость былъ человѣкъ скупой и себялюбивый, онъ всегда дѣлалъ гримасу и говорилъ, что въ кружкѣ прокислое, горькое молоко.

Филемонъ и Бавкида, уже столѣтніе старцы,

еще долго жили въ великолѣпномъ дворцѣ. Наконецъ, въ одно лѣтнее утро, случилось такъ, что они не присутствовали при пробужденіи своихъ гостей, которыхъ встрѣтили наканунѣ вечеромъ своею ласковою улыбкой. За завтракомъ ихъ тоже не было. Ихъ искали по всему дворцу, — но напрасно! Всѣ пришли въ безпокойство, какъ вдругъ замѣтили передъ портикомъ два дерева, которыхъ еще вчера никто не видалъ на этомъ мѣстѣ. Ихъ корни глубоко вросли въ землю, а роскошная листва отѣняла весь фасадъ зданія. Одно дерево было — дубъ, а другое — липа. Ихъ вѣтви переплелись такъ тѣсно между собою, что, казалось, будто одно дерево питается сокомъ другого больше, чѣмъ своимъ собственнымъ.

Гости дивились, смотря на непостижимую растительность этихъ деревьевъ, которыя должны бы были прожить по крайней мѣрѣ лѣтъ сто, чтобы достичь такой громадности, — и спрашивали другъ друга, какимъ образомъ могли они въ одну ночь достигнуть такой величины? Между тѣмъ, какъ они предавались такимъ размышленіямъ, легкій вѣтерокъ зашелестилъ лиственнымъ покровомъ и въ воздухѣ послышался тихій ропотъ и какъ будто голосъ двухъ таинственныхъ деревьевъ.

«Я Филемонъ!» шелестилъ вѣтерокъ въ листьяхъ стараго дуба.

«Я Бавкида!» нѣжно повторяла липа.

Вѣтеръ усиливался и оба дерева разомъ стали произносить имена Филемона и Бавкиды.... Было очевидно, что жизнь стариковъ обновилась въ этихъ деревьяхъ и ей предстояло еще много лѣтъ счастья и покоя въ образѣ дуба и липы. Какую гостепріимную тѣнь бросали они! Всякій разъ, какъ прохожій садился отдыхать подъ ихъ вѣтвями, надъ его головой раздавался тихій шелестъ, который какъ бы говорилъ:

«Да благословенъ твой приходъ, путникъ, въ эти мѣста!»

Съ теченіемъ времени, одинъ благодушный человекъ, зная, какъ нельзя лучше, что могло понравиться Филемону и Бавкидѣ, устроилъ вокругъ стволовъ круглую скамью, куда садились усталые путники, утолявшіе жажду изъ *Волшебной кружки*.

«Отчего и у насъ нѣтъ въ настоящую минуту неизсякаемаго источника!» прибавилъ Евстафій, окончивъ свой разсказъ.

— А сколько вмѣщала въ себѣ кружка? спросилъ Шиповникъ.

— Около двухъ пинтъ отвѣчалъ студентъ: — но ты могъ бы извлечь изъ нея цѣлую бочку молока, если бъ тебѣ было угодно, потому что она никогда не оставалась безъ прохладительной жидкости, даже въ самые жаркіе дни лѣта.

— А что съ ней сталося теперь? снова спросилъ мальчикъ.

— Она разбилась тысячь двадцать пять лѣтъ назадъ. Ее починили, какъ только могли, и хоть въ ней молоко долго и хорошо сохранялось, но она потеряла способность наполняться сама собою и съ тѣхъ поръ она опять сдѣлалась простою глиняною кружкой, какъ всякая другая.

Почтенная собака Бенъ участвовала также въ настоящей прогулкѣ, вмѣстѣ съ молодымъ водолазомъ, котораго прозвали Мартыномъ (*), потому что онъ былъ черенъ, какъ медвѣдь. Бену, болѣе благоразумному по лѣтамъ и болѣе осмотрительному, Евстафій предложилъ остаться съ меньшими дѣтьми, чтобы охранять ихъ. Мартына, который самъ былъ еще молодой вѣтреникъ, студентъ взялъ съ собою, опасаясь, чтобы онъ, своими скачками и шалостями, не сбилъ съ ногъ остальныхъ и не заставилъ ихъ скатиться кубаремъ къ подножью горы. Взявъ слово съ Подсѣжни-

(*) У насъ называютъ медвѣдей — мишками, а во Франціи и Англіи — Мартынами.

ка, Василька, Душистаго Горошка и Маргаритки сидѣть смирно на указанномъ мѣстѣ, Евстафій, въ сопровожденіи Розы и прочихъ членовъ братства, продолжалъ свое восхожденіе на вершину горы и скоро скрылся за деревьями.

ПИЖОНЪ И ТИФОНЪ.

Въ Таврической губернии, Днѣпровскаго уѣзда, недалеко отъ Чернаго моря, въ двадцати пяти верстахъ отъ города П....па, на ровной, плоской и, какъ безбрежное море, открытой степи стоялъ.... да, правда, и теперь стоитъ.... только не для меня.... панскій домъ хутора Щит..цы. Главный фасадъ этого дорогого для меня домика, съ зелененькими ставнями и веселенькимъ крылечкомъ, обращенъ былъ къ югу въ поле; другая сторона, т. е. другой рядъ комнатъ, осѣненныхъ узенькимъ палисадникомъ изъ шелковичныхъ деревьевъ, вѣчно усыпанныхъ стаями шумящихъ воробьевъ, да изъ пахучихъ цвѣтовъ, выходилъ во дворъ — къ востоку. Какъ теперь, кажется, вижу этотъ домикъ, какъ будто теперь стою на его крылечкѣ,—все, до малѣйшей подробности, такъ ясно и отчетливо рисуется въ моей памяти... Вотъ, направо калитка, въ которую обыкновенно пробирался я зимою съ чунками (салазки) кататься съ

горы, въ которую обращался — погребъ, гдѣ хранились разные дамашніе запасы; за калиткой, рядомъ съ нею, въ одну линію съ домомъ, стоитъ большой амбаръ, родъ арсенала, съ разными охотничьими принадлежностями и снарядами: ружьями, пиками, саблями, рогами, арапниками и нагайками всевозможныхъ размѣровъ и свойствъ, съ разною другою всякою всячиной, размѣщенной въ ларяхъ и по стѣнамъ, на которыхъ часто отдыхалъ мой взоръ, когда я въ этой комнатѣ занимался въ знойные лѣтніе дни чтеніемъ по какой-то, не помню, мудреной книгѣ, и писаніемъ съ обыкновенныхъ прописей, въ которыхъ говорилось: *ложь есть большой порокъ, люби Бога, уважай родителей и будь почтителенъ къ старшимъ*, а дальше, на другой страницѣ (какъ теперь помню) пошли: *Парижъ, Лондонъ, Санктъ-Петербургъ...* и каждая буква чуть не съ аршинъ, такъ-что заглавной и не выведешь съ-разу.

Перпендикулярно къ амбару и соединясь съ нимъ тоже калиткою, лежала, протянувшись къ югу, *господская* кухня, тоже богатая для меня многими воспоминаніями.... Влѣво отъ панскаго дома, за палисадникомъ, шли ворота, ведущіе во дворъ, а за воротами — все въ одну линію съ домомъ, — тянулась высокая соломенная крыша, ушедшей въ землю, *людской* кухни — огром-

ной землянки; за ней или, лучше сказать, передъ ней, въ сторону, влѣво, возвышался порядочный пригорокъ, изъ подъ котораго выглядывала приземистая дверь большого погреба молочницы, а по другую сторону, изъ подъ того же пригорка, зіяла въ поле дверь кузницы. За кухнями, къ югу, расположены обширные, четверугольные, изъ сплошныхъ, здоровыхъ досокъ, загоны: вправо — для лошадей, влѣво для коровъ. А прямо передъ глазами, то есть прямо передъ крыльцомъ, къ югу отъ дома, за дорогой, шедшей мимо загоновъ, красовалась, обнесенная рвомъ и валомъ, группа вѣковыхъ, развѣсистыхъ вербъ, носившая названіе сада, вѣроятно, потому, что около этихъ вербъ сбоку пріютился какъ-то густой кустъ сирени и два кустика никогда не дозрѣвавшего винограда, въ которыхъ не безъ успѣха ставилъ я силки куропаткамъ. Влѣво отъ сада тянулось болото, носившее названіе озера; зимою по ледяной поверхности его я часто катался и не разъ простуживался, а лѣтомъ охотился за ежами, которые каждый вечеръ во множествѣ стекались туда съ поля на водопой. По берегу болота, ближайшему къ дому, зіяло нѣсколько колодезь; надъ ними скрипѣли на высокихъ столбахъ гигантскія коромысла; на одномъ концѣ, для тяжести, висѣлъ лошадиный черепъ, изломанное колесо и проч., а на другомъ, на длинной веревкѣ,

кобки — бадья для черпанья воды изъ колодцевъ въ безконечныя, въ толстомъ бревнѣ выдолбленныя, корыта, къ которымъ въ опредѣленное время дня сгонялись на водопой табуны лошадей и стада *товару* — быковъ, коровъ, мериносовъ и свиней владѣтеля этаго хутора В. Я. Ков... ко, моего родного дяди. Противъ крыльца людской кухни стояла, прижавшись къ углу коровьяго загона, высокая голубятня, на которую я часто подымался. Съ высоты этой голубятни весь хуторъ видѣнь, какъ модель на кругломъ зеленомъ столѣ, весь, съ его анбарами, сараями, сѣновалами, различными пристройками, птичнымъ дворомъ, скирдами панскаго хлѣба и сѣна, съ уединенной мельницей; видны были и живописно разбросанныя, чистенькія, бѣленькія, соломой крытыя хатки хохловъ, каждая съ своимъ дворомъ, среди котораго стоитъ возъ, и *баштаномъ* — огородомъ съ *кавунами*, арбузами, обнесенная рвомъ или *тыномъ* — оградой. А дальше, за хуторъ, стелется во всѣ стороны, на сколько глазъ хватаетъ, необозримая степь, тамъ и сямъ ушедшая подъ миражи, которые, отражая въ себѣ отдаленные хутора и пасущіеся по полямъ табуны лошадей, представляютъ ихъ какъ бы висящими въ воздухѣ или плавающими въ бѣлопрозрачныхъ волнахъ будто выступившаго изъ береговъ океана; гладкая, ровная степь, чудная, какъ ярко зеленый, цвѣтами усыпанный ко-

веръ, натянутый на необъятный обручъ горизонта, упирающагося въ ясное, лазуревое небо, подъ которымъ заливались тысячи тысячъ голосовъ Божьихъ птичекъ.... Чудный видъ! очаровательная картина, которую я часто и долго, очень долго любовался!... Любовался я этою картиной раннимъ утромъ, когда только-что исчезала зорька и свѣтлые, ласкающіе лучи солнца прогоняли прозрачный туманъ, разливая блескъ и свѣжесть по росистой травѣ; любовался вечеромъ: вотъ ложатся тѣни, все длиннѣе и длиннѣе, все гуще, все больше и больше охватываютъ онѣ поверхность, предметы сливаются, принимаютъ неопредѣленные, таинственные очертанія.... только изъ дверей кузницы вырывается красный блескъ огня и падаетъ на ближайшія строения.... Но дверь затворилась, свѣтлая полоса исчезла; все тихо, а съ неба глянула звѣздочка, затеплилась другая, третья, и скоро весь сводъ покрылся ясными глазками, тихо и мягко льется ихъ фосфорическій свѣтъ на окрестность, тихо трещить въ травѣ кузнечекъ, тихо чиликнетъ птичка съ просонья, прожужжитъ жукъ, несясь по воздуху... все спитъ, все какъ бы собирается съ силами, чтобы на утро дружно, шумно и весело встрѣтить проснувшееся солнце....

Каждая изба этого хутора, каждая тропинка, ведущая въ открытое поле, и самое поле, каж-

дый его участокъ, напоминали мнѣ какое нибудь удовольствіе. Туда — идти къ баштану, въ которомъ любилъ я не арбузы и дыни, а *таракучки* — маленькія красивенькія пестренькія тыковки, которыя, кажется, только для дѣтей и разводятся; туда — дорога въ *кошъ* — станъ пастуховъ съ баранами; тамъ водятся ежи; здѣсь растутъ чудные тюльпаны; тамъ хорошо выливать изъ норокъ *аврашковъ* — сусликовъ; тутъ растетъ славный *катранъ*, тамъ *козельчики*, тамъ *лапуцки* — сочные, сладкіе стебли особенныхъ травъ, которыми я объѣдался.... Лучшіе дни моей жизни — дни моего дѣтства, протекли въ этомъ счастливомъ уголкѣ, въ этомъ раю моихъ воспоминаній!... и еслибъ мы жили въ то время, когда люди вѣрили въ переселеніе душъ, то, конечно, для меня была бы самымъ сладкимъ чувствомъ надежда, что душа моя переселится въ эти счастливыя поля, въ какого нибудь зайчика или въ жаворонка — и снова будетъ наслаждаться чудными для меня красотою и удовольствіями этого очаровательнаго уголка.

Имѣніе это, вмѣстѣ съ другою деревнею, лежащею недалеко отъ Щит...ца, почти на самомъ берегу одного изъ мелкихъ заливовъ Чернаго моря, перешло по наслѣдству отъ одного бездѣтнаго двоюроднаго дяди моего къ другому, моему родному дядѣ, холостяку и большому охот-

нику до всякой дичи или, лучше сказать, ея большому врагу и истребителю: при немъ не житье было драхвамъ, стрепетамъ, куропаткамъ. Не помню я обѣда, ужина, закуски, чтобы не подавали чего нибудь изъ этой дичи... а сушеныхъ зайцевъ, которыхъ связки и гирлянды висѣли подъ крышей на чердакѣ и у которыхъ я часто обламывалъ лапки для собственнаго употребленія — объ этомъ и говорить нечего: не знали куда ихъ дѣвать, что съ ними дѣлать.

Въ первые годы по вступленіи своемъ во владѣніе новымъ имѣніемъ, дядюшка мой бывалъ въ немъ какъ бы наѣздомъ; все еще какъ-то не уживался онъ долго въ Щит...хъ: отъ непривычки ли это, или дѣйствительно надо было ему часто отлучаться то въ Пе...пъ, то въ Сим...поль, губернской городъ или просто, какъ выражались хохлы, въ губернію, чтобъ окончить кое какія дѣла по имѣнію, — не знаю. Когда же возвращался онъ къ себѣ на хуторъ, то всегда въ сопровожденіи друзей, знакомыхъ и близкихъ родныхъ, которыхъ онъ потомъ по цѣлымъ недѣлямъ не отпускалъ отъ себя: и все это время на хуторѣ шли удовольствія за удовольствіями. Утромъ, послѣ славнаго, малороссійскаго жирнаго завтрака, всѣ отправлялись на охоту за зайцами; одни изъ гостей, какъ истинные охотники, съ дядей верхами, въ полномъ

охотничьемъ нарядѣ — съ ружьями черезъ плечо, съ арапниками въ рукахъ, и окруженные сворой изъ 50 гончихъ собакъ; другіе, люди по смиреннѣе, не рыцарскаго покроя, слѣдовали за ними, какъ зрители, размѣстившись съ дамами въ бричкахъ. Въ полѣ брички держатся нѣсколько въ сторонѣ отъ охотниковъ и ѣдутъ тихо; но лишь только мелькнулъ гдѣ нибудь русакъ, самъ собою заслышавшій бѣду или поднятый пуделемъ Пижономъ; лишь только охотники приподнимутся на стременахъ и съ крикомъ: ату его, ату! понесутся вслѣдъ за давно уже улетѣвшими за зайцемъ собаками; лишь только, говорю, все это пустится, понесется — и брички, управляемыя ловкими кучерами, тоже покатаются скорѣй, держась такъ, чтобъ любопытнымъ зрителямъ и зрительницамъ постоянно можно было имѣть передъ глазами эту картину безпощаднаго преслѣдованія. И какъ тамъ заяцъ не вертись, куда не кидайся по открытой степи, а ужъ гончія не выпустятъ изъ глазъ прыжковъ его поверхъ травы, не потеряютъ слѣда — и настигнутъ, положутъ на мѣстѣ, и тотчасъ оставивъ его, лягутъ запыхавшись на траву, сильно дыша и высунувъ языкъ, въ ожиданіи новой погони. Тогда пудель Пижонъ подходитъ въ свою очередь къ зайцу, беретъ его за шею и такъ подноситъ къ дядѣ: обязанность Пижона только въ томъ и состояла — найти,

поднять, спугнуть дичь, а потомъ уже ее, пойманную и умерщвленную, представить дядѣ на разсмотрѣніе — какова она.

Если не охота за зайцами, то придумывалось какое нибудь другое удовольствіе. Напримѣръ, цѣлое утро проходило въ весьма любопытномъ зрѣлищѣ, которымъ гости, какъ дамы, такъ и мужчины, наслаждались съ высоты забора лошадинаго загона. Совершенно дикія, степныя лошади — *неуки*, какъ ихъ называютъ, загнанныя изъ табуна въ загонъ, сбившись въ кучу по срединѣ, тѣснятся въ волненіи, закинувъ головы, и ждуть своей участи — полученія тавра. Въ углу загона, на разведенномъ кострѣ, нагрѣвается роковая печать, а здоровые, смышленные табунщики, въ кожаныхъ курткахъ и такихъ же штанахъ, съ волосянымъ арканомъ въ рукахъ, ходятъ, то быстро, то подкрадываясь, вокругъ неспокойныхъ, недовѣрчиво, но гордо озирающихся неуконъ, и выглядываютъ, на которую бы еще не помѣченную лошадь мѣткою рукой накинуть арканъ. Но вотъ она поймана; глаза ея налились кровью, закатились; она заметалась: то станетъ на дыбы и страшно ржетъ, то вдругъ бросится на переднія ноги и сильно брыкается задними. Другія, испуганныя лошади пустились бѣжать, она за ними, рвется, бѣсится; разметавъ гриву, ржа и брыкаясь, мотая головой, несется

она по загону.... Но, нѣтъ! Искусные, бывалые въ дѣлѣ, табунщики, взволнованные не менѣе самихъ коней, затронутые за живое, хотятъ поставить на своемъ — и почти всегда успѣвають въ этомъ съ-разу. Они, то быстро уносясь за пойманнымъ неукомъ, то упираясь ногами въ землю и укорачивая въ струнку натянутый арканъ, добиваются наконецъ до того, что выведутъ его на просторъ загона, отдѣльно отъ прочихъ; тутъ другіе табунщики быстро кидаются на это дикое созданіе степей, поддѣвають его — и трахъ! въ одинъ мигъ оно, опутанное, лежитъ на землѣ подъ семью или десятью табунщиками, которые держатъ ему голову, ноги и хвостъ; готовое раскаленное желѣзо прошипѣло на указанномъ мѣстѣ — и освобожденная лошадь вспрыгнула съ вензелемъ владѣльца на кожѣ и убѣжала рысцой въ табунъ, гдѣ на ея радостное ржаніе отвѣчаютъ ей такимъ же привѣтствіемъ. Но случается иногда, что какънибудь неукротимая лошадь бѣшено вырвется изъ загона, умчится въ открытое поле, несется по немъ, бросаясь въ разныя стороны и унося за собою на арканѣ отважнаго табунщика, который, въ своемъ кожаномъ лоснящемся нарядѣ, безопасно скользитъ по травкѣ, какъ чунки по снѣгу, и не только не думаетъ выпустить изъ рукъ арканъ, но, напротивъ, успѣваетъ еще об-

мотать его вокругъ себя, и, скользя по прежнему, еще спокойнѣе выжидаетъ минуты. Вотъ лошадь остановилась — онъ встаетъ, подбираетъ арканъ, хочетъ подойти къ ней.... Лошадь, увидѣвъ, что не избавилась отъ посягающаго на ея свободу табунщика, брыкнетъ съ досады разъ-другой, заржетъ — и снова, вздувъ хвостъ трубой, унесется куда глаза глядятъ; и снова табунщикъ скользитъ за ней по необозримымъ полямъ. А все-таки кончится тѣмъ, что онъ, истомивъ ее до мыльнаго пота, до изнеможенія, приѣдетъ на ней верхомъ, особенно, если два-три верховые табунщика подоспѣютъ къ нему на помощь; и вотъ на ней, какъ и на другихъ ея подругахъ, является неизбѣжное тавро.

Послѣ обѣда каждому изъ гостей предоставлялась полная свобода располагать собою, какъ ему угодно — отдохнуть, или посидѣть на крылечкѣ, или полакомиться въ палисадникѣ шелковицей, или побродить по деревнѣ и проч. Вечеромъ одни садились въ карты играть, а другіе танцовали подъ звуки огромнаго, тогда еще совершенно новаго — съ молоточка, отличнаго органа, которій, какъ мнѣ казалось, игралъ нисколько не хуже, тоже въ то время знаменитаго, городского бальнаго оркестра, состоявшаго изъ нѣсколькихъ молдованскихъ цыганъ, въ числѣ которыхъ цымбалистъ занималъ одно изъ почет-

нѣйшихъ мѣсть. Впрочемъ, какъ бы ни игралъ органъ, а у радушнаго хозяина всѣ танцовали, какъ говорится, до упаду: значить, всѣмъ было очень весело... Балы эти, повторяшіеся каждый вечеръ, оканчивались чудеснымъ ужиномъ.

По отъѣздѣ съ хутора гостей, въ комнатахъ панскаго дома водворялась совершенная тишина, среди которой снова текла однообразная жизнь двухъ постоянныхъ ихъ обитателей — дяди и двоюродной его племянницы, и временнаго — меня. Послѣ утренняго чая мы расходились каждый въ свою сторону: двоюродная сестрица моя, очень скромная особа, уходила скучать за вышиваньемъ въ свою комнату, что рядомъ съ калиткой; я отправлялся читать въ свою *занимательную* комнату — въ прохладный амбаръ, по другую сторону калитки; но слыша, что мой товарищъ, Миронъ — сынъ управителя, работаетъ за двоихъ, кричитъ на всю деревню, читая свой псалтырь — я пробирался дальше и уходилъ въ поле, въ огороды или въ другое какое мѣсто. Дядя, отдавъ разныя приказанія и заглянувъ туда-сюда, бралъ свое любимое ружье, съ полною принадлежностію, и отправлялся, бывало, яхд-ташь черезъ плечо, въ сопровожденіи своего любимца Пижона, бродить въ поле или въ садъ, откуда возвращался только къ обѣду, но въ совершенно веселомъ расположеніи духа. Съ каж-

дой убитой куропаткой, перепелкой, съ каждымъ куличкомъ Пижонъ приносилъ ему новую радость, новое утѣшеніе. За обѣдомъ спросить бывало дядя у моей кузины, каково я занимался: — О! отвѣчаетъ кузина, слышавшая неумолимаго Мирона: — такъ славно читалъ, что сюда было слышно! — «Ну, это хорошо, такъ и слѣдуетъ,» прибавитъ онъ и заговоритъ о Пижонѣ и его подвигахъ.

Пижонъ, дѣйствительно, сколько помню я, былъ умный, добрый и, какъ увидимъ послѣ, весьма любезный, слѣдовательно вполне достойный любви пудель. Хохлы, глядя на его необыкновенную смышленость, часто отъ удивленія восклицали: «*та вже не чоловикъ ли це?*» (*) И не мудрено было вырваться такому восклицанію. — Прикажешь, бывало, Пижону позвать такого-то, или такую-то, положимъ Акулину — онъ тотчасъ побѣжитъ къ ней, возьметъ ее за край *запаски* (юбки) и, глядя на Акулину умоляющими глазами, тащить ее къ вамъ. Или крикните ему: «Пижонъ, подай шинель!» и онъ притащитъ вамъ вашу шинель... «Фуражку!» — и онъ съ гвоздя сниметъ и подастъ вамъ фуражку, палку, ружье, табакерку, хотя послѣднее порученіе и находилъ онъ немножко не по зубамъ, но ничего — все исполнить, все принесть....

(*) «Ужь не человекъ ли это?»

Послѣ этого нужно ли еще говорить о необыкновенныхъ прыжкахъ — *salti mortali*, которые умѣлъ онъ дѣлать, и о разныхъ мудреныхъ фокусахъ, какъ, на примѣръ, представлять видъ, что ловить мухъ, когда ихъ вовсе не было, прикидываться мертвымъ и проч. Все это онъ исполнялъ самымъ уморительнымъ образомъ, сохраняя самую простодушную и нѣсколько серьезную физиономію. — На прогулкахъ съ дядей онъ служилъ ему даже подушкой въ случаѣ отдыха въ открытомъ полѣ, и полотенцемъ въ случаѣ надобности обтереть замаравшееся обо чтонибудь ружье или руки. Сверхъ своей обыкновенной собачьей обязанности, Пижонъ исполнялъ должность лакея или, лучше сказать, дядьки своего пана — носилъ за нимъ трубку и подбиралъ дорогою теряемыя дядей вещи, какъ-то платокъ, перчатки, и пр., которыя по возвращеніи домой сдавалъ кому слѣдовало.

На все былъ смышленъ и искусенъ Пижонъ, кромѣ одного: никакъ не могъ брать въ зубы ежа, когда тотъ, найденный имъ въ полѣ, свертывался шарикомъ. Пудель не разъ приходилъ въ совершенное отчаяніе. «Что же дѣлать — чего нельзя, того нельзя, любезный Пижонъ!» говорили ему въ утѣшеніе, но онъ почти съ упрямомъ посматривалъ на своихъ утѣшителей и продолжалъ пуще прежняго трудиться надъ непри-

ступнымъ ежомъ, жалобно визжа и лая. А ежу подъ конецъ все-таки приходилось плохо: часто на лай Пижона являлся какой нибудь хохоль, втыкалъ палку въ ежа, тамъ, гдѣ спрятанное рыльце его сходилось съ противоположной оконечностью его тѣла — и такъ, взявъ палку на плечо, какъ бунчукъ или булаву, уносилъ ежа къ себѣ домой, вытапливалъ изъ него жиръ, которій сжигалъ потомъ въ *каганць* — въ ночникъ, какіе во всей Малороссіи мужики жгутъ вмѣсто свѣчей, что удобнѣе и безопаснѣе лучины. Не знаю, предугадывалъ ли Пижонъ горькую участь ежа и думалъ ли, что онъ непременно долженъ испытать ее за то, что до крови искололъ ему губы, — только, провожая хохла до самой его хаты и посматривая то на воздушнаго путешественника — ежа, то на побѣдителя, уносящаго этотъ трофей, онъ какъ-то особенно весело прыгалъ, иначе лаялъ и восторженно вертѣлъ хвостомъ.

Я рѣшительно увѣренъ, что Пижонъ очень многое дѣлалъ единственно изъ одной только любезности, потому что отъ этого многого онъ могъ бы уклониться, какъ отъ совершенно не свойственнаго ему дѣла; но онъ былъ истинный другъ человѣчества и въ особенности дѣтей. Не разъ и я, какъ говорится, выѣзжалъ на немъ: не разъ онъ меня лѣтомъ — въ таратаечкѣ, а зимой въ

чункахъ, возилъ, не морщась, куда бы я не пожелалъ. Такая услужливость Пижона, при всей его учености, неоспоримо проистекала отъ истинной, врожденной доброты.... Доказательствомъ этому служило еще и умѣніе его жить со всѣми въ согласіи: даже съ рогатымъ, всюду около дома бродившимъ, козломъ, съ которымъ рѣдко кто уживался, онъ всегда ладилъ; этого мало: индѣйки — вѣдь ужъ какая, кажется, надутая порода: шевельнись только передъ ними кто, или свисни — такъ вѣдь такъ загорланять, раскраснѣвшись до ушей, что средствъ нѣтъ! — и тѣ ему часто реверансъ дѣлали, проходя мимо него церемоніальнымъ маршемъ.... Сердито лаялъ Пижонъ только на павлина, когда тотъ, взлетѣвъ на крышу какого нибудь дома, начнетъ, бывало, при закатѣ солнца, заунывно мяукать, какъ кошка; да еще иногда лаялъ онъ на прочихъ собакъ, когда тѣ, ни съ того, ни съ сего, начнутъ между собою драться, и то лаялъ онъ на нихъ издалека, какъ бы увѣщевая ихъ не грызться изъ-за пустяковъ.

Всегда готовый на услуги, онъ такъ ужъ и лежалъ передъ крыльцомъ дома, на томъ мѣстѣ, гдѣ тропинка, пробитая отъ барской кухни къ погребу молочницы, пересѣкается подъ прямымъ угломъ съ тропинкою отъ крыльца къ саду. И лежалъ онъ тутъ всегда въ трехъ положеніяхъ:

сперва, то есть съ утра, онъ ложился къ западу, по направленію къ кухнѣ, протянувъ къ ней морду, и, судя по выраженію глазъ и по нѣкоторымъ движеніямъ хвоста, какъ бы размышлялъ: какъ это такая простая женщина, какъ, на примѣръ, Акулина, вращающаяся въ такой незавидной хаткѣ, посредствомъ своей стряпни имѣетъ такое чудное вліяніе на здоровье и расположеніе духа пана? Потомъ принималъ онъ другое положеніе, къ сѣверу, вытянувъ морду по направленію къ крыльцу и тоже какъ будто размышляя: отчего это господа, чтобъ долго не мучить себя неизвѣстностью и пустыми мучительными ожиданіями — не догадаются устроить плиту у себя въ столовой.... Наконецъ третье положеніе его было мордою къ погребу молочницы, который тоже пробуждалъ въ немъ бездну пріятныхъ размышленій.... Послѣ этого онъ опять укладывался мордой къ крыльцу, потомъ къ кухнѣ, отъ которой опять начинался прежній порядокъ. Наблюдательный постъ свой Пижонъ оставлялъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда сильно затрогивалось его любопытство; на примѣръ, когда Акулина выходила изъ кухни выбросить что нибудь; тогда онъ подбѣгалъ къ брошенному, чтобъ обревизовать — не ошибается ли Акулина: не бросаетъ ли она, въ разсѣянности, чего нибудь драгоцѣннаго; увѣрившись, что это дѣйствительно пустяки, нестоющіе вниманія,

онъ возвращался на мѣсто и съ глубокимъ вздохомъ принималъ одно изъ своихъ живописныхъ положеній.

За всѣ свои похвальныя качества Пижонъ пользовался всеобщей любовью и даже, можно сказать, уваженіемъ. Никто изъ дворовыхъ людей не проходилъ мимо его, не обратившись къ нему съ ласковымъ привѣтствіемъ; каждый хохоль, являвшійся за чѣмънибудь съ деревни къ пану, издали еще кричалъ любимцу-пуделю: «*здоровъ бувъ, Пижонъ!*» На что Пижонъ, ласково поглядывая на мужика, но не измѣняя положенія, ударялъ сперва котороюнибудь изъ переднихъ лапокъ и въ тоже время хлопалъ хвостомъ три раза о землю, что, вѣроятно, въ понятіяхъ Пижона соответствовало тройному пожатію руки. Но случалось, что Пижонъ, болѣе взволнованный, вставалъ и подходилъ, даже подбѣгалъ, съ учащенными размахами хвоста, къ привѣтствующей его особѣ, чтобъ больше къ ней приласкаться.... если она несла какойнибудь узелокъ въ рукѣ или на плечѣ — и это, право, не изъ какихънибудь предосудительныхъ видовъ.... О, нѣтъ! повѣрьте, изъ одного только похвальнаго люботытства; онъ былъ необыкновенно любознательнъ... чѣмъ, разумѣется, и достигъ той высокой степени учености, которою гремѣлъ почти во всемъ уѣздѣ, если не дальше.

Вставъ изъ-за обѣда, дядя мой имѣлъ обык-

новеніе выходить тотчасъ на крыльце и скликать всѣхъ своихъ четвероногихъ сотрудинокъ по охотѣ, кромѣ лошадей, и собственноручно одарялъ каждого изъ нихъ кусочкомъ хлѣба или иной разъ и другимъ чѣмъ нибудь, какъ напримѣръ косточкой и проч. Нужно ли говорить, что Пижонъ, давно уже лежавшій на солнышкѣ во второмъ своемъ положеніи и провожавшій глазами каждое блюдо, доставлявшее изъ кухни въ домъ ароматныя произведенія Акулины, первымъ являлся на зовъ пана, — и, какъ любимецъ его, первый получалъ все лучшее и всего больше другихъ... Конечно, это не обходилось безъ ворчнн со стороны гончихъ, но претензія ихъ была несправедлива.... Онѣ несли одну обязанность и то только въ полѣ, на охотѣ, а онѣ и тамъ, и сямъ, и здѣсь, и вездѣ, и для всѣхъ къ услугамъ, всегда на все готовъ и всегда къ общему удовольствію, благодаря своимъ разнообразнымъ и полезнымъ талантамъ, которыхъ однѣ только гончія не вполнѣ цѣнили, и то, можетъ быть, только наружно, изъ зависти.... Но дядя былъ справедливъ, предпочиталъ его всѣмъ прочимъ его сотоварищамъ и, несмотря ни на какую ворчню, награждалъ его щедрѣе другихъ. Завидная была доля Пижона на хуторѣ! онѣ былъ, казалось, истинный счастливецъ!... Но, увы! развѣ есть что вѣчное въ этомъ мірѣ? Чья радость остается

невозмутимою? Чье счастье не имѣло здѣсь конца или, по крайней мѣрѣ, не растягивалось большими вставками горя и скуки? Ничье!... Умѣть пользоваться благами, пока они льются, какъ пользуемся мы свѣтомъ благотворнаго солнышка, пока оно насъ грѣетъ, и не отчаяваться при горькихъ переменѣхъ — одно уже это есть большое счастье... доступное, конечно, однимъ только мудрецамъ.

Дядя предпочиталъ Пижона всѣмъ прочимъ... пока не явился новый талантливый субъектъ.... Пижонъ и тутъ имѣлъ случай доказать, что онъ мудрецъ: онъ умѣлъ безъ ропота покориться судьбѣ.

(Окончаніе въ слѣдующ. №.)

Арт. Ризниковъ.

СКАЗКА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ.

Былъ такой чудный, свѣтлый июньскій вечеръ, что нисколько неудивительно было бы, если бы растенія, животныя и даже вокругъ меня разбросанные, накаленные солнцемъ камни, почувствовавъ всю прелесть такого вечера, обнаружили свой восторгъ.

Солнце, сверкая прощальными огненными лучами, тихо опускалось за высокую, поросшую лѣсомъ гору.

Подо мною тянулась въ глубокомъ ущельи единственная длинная улица мирнаго городка, оживляемаго журчаньемъ ручья, въ которомъ едва было столько воды, чтобъ орошать разбросанные по берегамъ его садика. А садики были премаленькіе, долина узенькая, такъ что домикамъ тѣсно было стоять. На площади передъ гостинницею рѣзвились мальчишки. Крикъ ихъ смѣшивался съ визгомъ пилъ ближайшей пильной мельницы, и все это доносилось до моего слуха. Голубой дымъ разстилался надъ крышами домиковъ, выглядывавшихъ изъ

бокового ущелья, обставленного горами, покрытыми лѣсомъ. Дымъ смѣшивался съ сизыми облаками, поднимавшимися изъ-за буковой рощи. Скоро по долину разлилась прохлада и въ воздухѣ собрались невидимые водяные духи, которые превратились въ капли, чтобы на слѣдующее утро явиться въ блескѣ жемчужной росы и напоить луга и лѣса.

Вверху около меня было еще тепло и царствовала такая мирная, святая тишина, что во мнѣ умолкли все суетныя желанія и мучительныя страсти, не дававшія днемъ покоя.

Трескъ безчисленнаго множества кузнечиковъ не нарушалъ этой тишины. Этотъ шумъ какъ будто происходилъ въ маленькомъ царствѣ гномовъ, отъ крошечныхъ невидимыхъ инструментовъ. Но вотъ раздались въ воздухѣ полные грудные звуки какого-то пѣвца. Это дроздъ запѣлъ свою вечернюю пѣсню, притаясь вѣроятно въ чащѣ сосновыхъ вѣтвей по ту сторону долины. Пѣснь дрозда звучитъ въ треляхъ и переливахъ такъ свѣжо и чисто, какъ пѣсня молодой дѣвушки, поющей за веселой работой.

Наконецъ мало по малу все утихло. На небѣ заблестѣли звѣзды, а въ городѣ, окутанномъ темнотой, засверкали огни. Мѣсяцъ скользилъ блѣднымъ лучемъ по вершинамъ и краямъ

горь. Вечерній вѣтерокъ какъ будто засыпаль. Онъ еще разъ шаловливо пробѣжалъ по вершинамъ деревъ, какъ бы прощаясь съ суковатыми соснами, и осыпаль меня ихъ сухими иглами. Меня осѣнила торжественная тишина ночи.

Я пошелъ домой. Передо мной все тянулись горы. Вечерній вѣтерокъ тихо пробѣгалъ по колосьямъ, которые, склоняя головки, шептались между собою. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ послышался какъ будто шепоть — не обманъ ли это слуха? Что это за шорохъ? Мнѣ слышится тихое, нѣжное пѣніе множества голосовъ, раздающихся издалека. Я слышу все явственнѣе и явственнѣе что-то такое, чего ухо мое никогда не слыхало. Раздались точно серебрястые звуки колокольчика, но въ этихъ звукахъ слышались слова. Я не могъ понять что это такое. Все растительное царство вдругъ заговорило вокругъ меня....

И я слышу, понимаю этотъ языкъ. У меня захватило духъ отъ изумленія!...

«Не удивляйся! Ты вѣдь нашъ другъ. Ты знаешь и любишь насъ и потому у насъ нѣтъ отъ тебя никакой тайны. Побудь съ нами немного. У насъ сегодня праздникъ.»

Съ такой милой рѣчью обратился ко мнѣ полевой колокольчикъ, дружески кивая головкой. Я вспомнилъ, что сегодня Ивановъ день, праздникъ цвѣтовъ въ нѣмецкой землѣ. Отъ чего же

мнѣ выпала такая честь? Не родился ли я подь счастливой звѣздой? Или потому, что я естествоиспытатель? Я прислонился къ березѣ, одиноко стоявшей въ полѣ, и рѣшился остаться. При лунномъ свѣтѣ я увидалъ вокругъ себя множество различныхъ цвѣтовъ.

«Какъ мы сегодня проведемъ время? не пригласить ли намъ опять насѣкомыхъ?» послышалось между цвѣтовъ, разстилавшихся пестрымъ ковромъ у меня подь ногами.

«Я здѣсь, сказала смѣясь голубая скабіоза: — на меня сѣла толстая бабочка и заснула; мнѣ такъ тяжело, что я едва могу держаться, голова, у меня совсѣмъ падаетъ! Проснись же! Ужь разсвѣло. Не слышитъ! Ну, спи пожалуй. Такъ и быть, я не стану шевелиться, а то ты какъ разъ свалишься въ росу и испортишь свое пестрое платье.»

— Это правда, сестрица, сказалъ колокольчикъ, обвившійся около хлѣбнаго стебля: — вотъ и мнѣ стоитъ только раскрыть лепестки, такъ я разбужу всѣхъ забравшихся туда свѣтлячковъ, а они, бѣдняжки, пожалуй простудятся ночью отъ сырости.

«Не мѣшайте намъ, мы хотимъ возобновить давнишній споръ, а эти бѣдняжки насѣкомыя пусть себѣ спятъ: они вчера цѣлый день возились!» сказалъ нѣжнымъ голосомъ красный макъ,

который росъ позади меня между рожью. Онъ уже отцвѣлъ, и на его головкѣ, вмѣсто четырехъ яркочерныхъ листковъ, висѣлъ только одинъ, и то полузавядшій.

«Да, да!» одобрительно заговорили тысячи голосовъ.

Поднялся шумъ, точно на польскомъ сеймѣ, каждый хотѣлъ перекричать другого, такъ что я не могъ разобрать ни слова.

«Погодите же кричать, дѣти, сказалъ одинъ изъ старшихъ: — Это не прилично. Говорите по очереди. Развѣ вы не видите, что у насъ въ гостяхъ нашъ почтенный покровитель и судья!»

При этомъ намекъ мнѣ стало еще любопытнѣе. Въ чемъ же могъ быть мой судъ полезенъ между цвѣтами? Мнѣ очень хотѣлось это узнать и я сталъ прислушиваться.

«Я уже вамъ недавно очень ясно доказала, что пользуюсь особеннымъ расположеніемъ чловѣка. Всѣ набожные люди молятся обо мнѣ каждый день. Слѣдовательно, не къ чему вамъ вновь заводить объ этомъ споръ!» заговорила позади меня пшеница.

«О, милая сестрица, трудно тебѣ съ нами тягаться!» возразилъ пшеницѣ другой голосъ: — чловѣкъ хотя просить у небесъ о тебѣ одной, но разумѣетъ подъ этимъ многое другое. Сколько чловѣкъ поморщились бы, если бы молитва ихъ

объ одномъ «насущномъ хлѣбѣ» исполнялась буквально хоть недѣлю или даже одинъ день, т. е. еслибъ имъ давали ѣсть одинъ только хлѣбъ; повѣрь мнѣ, пироги онъ любитъ больше хлѣба.»

Голосъ этотъ слышался съ поля, засѣяннаго картофелемъ; онъ возбудилъ во мнѣ жалость, потому что звучалъ какъ-то болѣзненно рѣзко.

«Развѣ неизвѣстно, продолжалъ картофель, какихъ усилій стоило человѣку приобрѣсти меня, хотя можетъ быть онъ, неблагодарный, уже и забылъ, что познакомился со мной въ далекой Америкѣ. Народъ умиралъ бы тысячами, съ голоду, если бы меня не было; ни одинъ даже богачъ не обходится безъ меня: у него на столѣ я являюсь въ различныхъ видахъ и съ дипломатической ловкостью угождаю его прихотливому вкусу.»

— Бѣдный больной! слышалось изъ пищетки дикаго хмѣля, обвившагося около березы: — я бы посовѣтовалъ тебѣ возвратиться на родину, для тебя климатъ Германіи слишкомъ суровъ. Къ тому же, человѣкъ сдѣлался неблагодарнымъ въ отношеніи тебя, потому что химики доказали ему, что въ картофелѣ мало питательности. Впрочемъ, хотя мнѣ и больно, но я долженъ сказать тебѣ, что болѣзнь твоя есть, можетъ быть, справедливое наказаніе, посылаемое тебѣ нашею матерью землей, за то, что ты позволяла выдѣлывать изъ

себя дрянную водку. Я заговорилъ объ этомъ потому, что и вы, рожь и пшеница, тоже не совсѣмъ чисты въ этомъ отношеніи. Поэтому всѣ добрые люди и бранятъ васъ. Уже одно учрежденіе обществъ трезвости не дѣлаетъ вамъ чести. Вы, рожь и пшеница, берите примѣръ съ ячменя, который не позволяетъ употреблять себя во зло; мы вмѣстѣ съ нимъ доставляемъ благородный ячменный напитокъ вѣчно жаждущему человѣчеству. Ячень, хмѣль и люди всегда останутся друзьями между собою. Весь свѣтъ знаетъ насъ. Мы играемъ важную роль въ совѣтахъ, гдѣ родъ людской рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы. Мы возбуждаемъ людей на громкіе подвиги, просвѣтляемъ головы ученыхъ!

Эта сильная рѣчь, казалось, озадачила спорящихъ. Черезъ нѣсколько минутъ, кто-то глухимъ голосомъ, какъ будто изъ земли, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Не желая вовсе отрицать заслугъ, оказанныхъ вами троими нашему общему любимцу—человѣку, я все-таки скажу, что я, свекла, подслащаю ему жизнь, и онъ изъ благодарности оказываетъ мнѣ свое высокое покровительство.»

Услышавъ такую искусную рѣчь, я тотчасъ подумалъ, что ораторъ оказываетъ неисчислимыя заслуги такъ высоко поставленному имъ любимцу, человѣку.

«Охъ, ты, вѣчно краснѣющая подъ защитой таможенныхъ пошлинъ усладительница! Тебѣ во все не слѣдуетъ показываться изъ подъ земли и любопытствовать что на ней происходитъ, какъ ты постоянно это дѣлаешь. Еще неизвѣстно, имѣешь ли ты право расти тамъ, откуда недавно ты вытѣснила рожь. Ты своимъ дряннымъ сахаромъ подслащиваешь развѣ только кофе, но никакъ — не жизнь. Вотъ я, такъ совсѣмъ другое дѣло: я возбуждаю веселость въ человѣческомъ сердцѣ и родина моя тамъ, на цвѣтущихъ берегахъ Рейна. Мнѣ не нужно и называть себя, потому что люди величаютъ меня самыми почетными именами.»

«Нельзя ли потише! перебилъ виноградную лозу другой голосъ: — не слишкомъ важничай своими почестями: здѣсь есть и такія, какихъ у тебя нѣтъ. Я могу похвастаться не только сочувствіемъ человѣка, но и властью надъ нимъ. Правительства тщетно возставали противъ моего владычества, я остался побѣдителемъ, какъ и сегодня вечеромъ останусь имъ!»

Голосъ оратора слышался издалека и мнѣ очень хотѣлось узнать его имя.

«Писатель ли задумается надъ перомъ и не сладитъ съ мыслью, портному ли не хватаетъ сукна выкроить панталоны — въ облакахъ моего дыма проясняется ихъ мозгъ и нисходитъ на нихъ

вдохновеніе. Я бы могъ привести множество примѣровъ моего могущества, но довольно и этихъ двухъ.»

Сказавши это, табакъ завернулся въ свой плащъ и замолкъ. Другіе тоже замолчали. Замѣтно было, что эта сильная рѣчь подѣйствовала на всѣхъ.

«Стыдитесь, сестры,» началъ кто-то скороговоркой, «робѣть передъ этимъ вонючимъ нашимъ братомъ. Неужели въ васъ нѣтъ храбрости, чтобы проучить его хорошенько?.... Выслушай ты, хвастунъ, и потомъ становись передо мной на колѣни на мокрой травѣ. Ты воображаешь, что имѣешь власть въ свѣтѣ, — ошибаешься, у тебя есть очень сильный соперникъ. Есть нѣкто, кого свѣтъ любить больше тебя. Тебѣ за нимъ не угнаться. Отгадай-ка, кто сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка?»

На этотъ хвастливый вопросъ, тотъ же голосъ самъ отвѣчалъ:

— «Я — кофе!»

Если бы я находился въ то время въ Аравіи, или на островѣ Явѣ, то было бы очень естественно услышать такой отвѣтъ, но меня чрезвычайно удивило, что здѣсь, въ Германіи я слышу голосъ кофейнаго дерева.

«Кофе! Гдѣ же ты? Мы тебя не видимъ! Скажи же, гдѣ ты?»

О, срамъ! Бѣдное мнимо-кофейное дерево, заикаясь, пролететало:

«Правду сказать... если судить строго... я не настоящій кофе, а... цикорій, но вѣдь это почти одно и тоже.»

Тутъ я узналъ, что и милыя растенія могутъ язвительно смѣяться: я тоже засмѣялся съ ними.

Но вотъ возвысился голосъ новый ораторъ. Онъ, казалось, былъ сильно разсерженъ хвастливой выходкой цикорія и язвительными насмѣшками другихъ растеній.

«Ваше назначеніе, сказалъ онъ, кормить и поить, а мое — заботиться о его нравственности. Вы развиваете въ человѣкѣ дикія склонности, а я заставляю его вести себя скромно и прилично. Я распространяю между людьми самую прочную философію, потому что всѣ мои доводы подкрѣпляю опытомъ. Все это дѣлаю я — берега. Начинаю я съ лозъ надъ маленькими дѣтьми и оканчиваю надъ взрослыми, на сдѣланной изъ меня кафедрѣ, съ которой профессоръ проповѣдуетъ, что повиноваться несравненно легче, чѣмъ приказывать, и что давать лучше, чѣмъ брать, и тогда, милыя сестрицы, послѣ моей школы, свѣтъ уже спокойно, счастливо и смиренно наслаждается вашими дарами, которые я ставлю высоко.»

«Конецъ!» подумалъ я, не зная, что еще парламентъ цвѣтовъ могъ къ этому прибавить. Кру-

гомъ меня царствовало глубокое молчаніе. Успокоенный, я возвращался домой. Переходя поле, засѣянное льномъ, я услышалъ нѣжнымъ шепотомъ сказанныя мнѣ слова: «Пусть эти растенія спорять сколько хотятъ о твоей дружбѣ, человѣкъ! но только на мою любовь ты можешь положиться навсегда. Я обвиваю нѣжными пеленками новорожденного младенца и не расстаюсь съ человѣкомъ во всю жизнь, до самой могилы.»

(съ льмецкою.)

ОСТАТКИ ОИВЪ ЕГИПЕТСКИХЪ.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ привезены были изъ древняго Египетскаго города Оивъ, въ Петербургъ, тѣ два сфинкса, которые находятся передъ академіей художествъ, на набережной Невы. Стоитъ взглянуть на нихъ, чтобъ убѣдиться, что эти двѣ статуи имѣютъ въ себѣ что-то особенное, отличающее ихъ отъ прочихъ статуй, намъ попадающихся. Онѣ изсѣчены изъ особеннаго гранита, котораго зерно мельче, нежели зерно нашего гранита: въ этомъ всякой можетъ удостовѣриться, если сравнить тотъ гранитъ, изъ котораго сдѣланы эти сфинксы, съ тѣмъ гранитомъ, на которомъ они поставлены: первый гранитъ Египетскій, а второй Финляндскій. Эти статуи отличаются такъ же и громадностью. Изображаютъ онѣ львиное тѣло съ человѣческой головой. Это лицо съ широкимъ носомъ и толстыми губами не похоже на лица прочихъ статуй. Прошло больше трехъ тысячъ лѣтъ, какъ изваяны эти сфинксы и на нихъ смотреть охотно,

и удивляются, какъ въ такую отдаленную древность умѣли такъ сработать. Оивы, откуда они перевезены, находятся въ верхнемъ Египтѣ; это южная часть Египта, прилегающая къ Нубіи. Промчавшись по порогамъ, Ниль переходитъ изъ Нубіи въ Египетъ, гдѣ долго течетъ между двумя кряжами горъ. Потомъ кряжи широко раздвигаются: разстиляется равнина верстъ на 15 въ ширину и на столько же въ длину, и на этой-то равнинѣ, по обѣ стороны Нила, отъ кряжа до кряжа, стояли Оивы, столица древней державы, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Теперь города нѣтъ: остались однѣ его развалины. Между ними-то и найдены огромные наши сфинксы. Развалины Оивъ Египетскихъ поражаютъ Европейцевъ. Я опишу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, самыя главные, для того, чтобъ, вообразивъ себѣ эти остатки древней дѣятельности Египтянъ, вы могли бы себѣ представить, каковы были самые производители. Еще потому полезно и интересно читать или слышать описанія Египетскихъ памятниковъ, что на нихъ изображены люди, группы людей, цѣлыя происшествія: мы на нихъ видимъ, какъ жили въ верхнемъ Египтѣ, и чѣмъ занимались. Я обращаю вниманіе ваше сперва на Медипеть-Абускій дворецъ, Мемноновъ колоссъ, гробницу или дворецъ Озимандія, на храмъ Изиды: всѣ эти остатки находятся на упомянутой рав-

нинѣ, по лѣвому берегу Нила. Потомъ перейду на правый берегъ, гдѣ на той же равнинѣ возвышается Карнакскій дворецъ. Наконецъ опишу древнія гробницы Фивъ.

Около мѣстности, которая теперь называется арабскимъ именемъ Мединетъ-Абу, стоитъ величественный дворецъ древнихъ Фивскихъ царей. Прежде всего взору путешественника представляется особеннаго устройства ворота, какіе бываютъ въ одномъ только Египтѣ, и обыкновенно называются пилонами. Пилонъ это каменные ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ стоитъ по пирамидѣ. Вы знаете, что пирамиды суть зданія, имѣющія четыре стороны или бока; эти зданія снизу широки; но чѣмъ дальше отъ земли, тѣмъ больше они суживаются. Такія пирамиды, которыя стоятъ по обѣимъ сторонамъ воротъ, бываютъ обыкновенно умѣренной величины, и къ верху оканчиваются не остреемъ, а площадкой. Черезъ такой пилонъ входите на прекрасный дворъ, окруженный галереями: одна галерея состоитъ изъ восьми большихъ колонъ, а другая изъ пиластровъ или четырехгранныхъ столбовъ, къ которымъ приставлены исполинскія статуи Озириса. Египетскій художникъ придалъ тутъ кумиру Озириса такой видъ, который, по словамъ очевидцевъ, охватываетъ душу чувствомъ уваженія.

Язычники не имѣли правильнаго понятія о совершенствахъ божества, они думали, что божество можетъ даже имѣть людскія слабости. Однакоже и язычники, когда съ чистою душою стремились къ божеству и когда при этомъ владѣли кистью или рѣзцемъ, то придавали божеству видъ, внушающій чувства благоговѣйныя. Черезъ этотъ дворъ, противъ перваго пилона, стоитъ другой пилонъ, ведущій во второй дворъ. Тутъ опять галереи: но изъ какихъ необыкновенныхъ колонъ состоятъ эти галереи! Мы, Европейцы, привыкли видѣть колоны, которыхъ длина по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ толщина. Колоны же Мединетъ-Абускаго втораго двора всего въ 3 сажени вышиною и въ цѣлую сажень толщиною, т. е. длина ихъ только въ три раза больше толщины. Такія колоны здѣсь нужны, потому что потолокъ, опирающійся на нихъ, сложенъ изъ такихъ громадныхъ камней, что если бы на мѣстѣ этихъ толстыхъ колонъ стояли колоны обыкновенной толщины, то такія обыкновенныя колоны не выдержали бы напора такого тяжелого потолка. Другими словами: между приземистымъ видомъ колоннъ и необычайною толщею потолка — есть соразмѣрность. Но къ чему же дѣлать такіе толстые потолки, или крыши? На это отвѣчу я нѣсколько дальше. Теперь

скажу только, что этот потолок голубого цвѣта, и что по всему протяженію его, какъ по небу, разсѣяны золотыя звѣзды.

Стѣны Мединетъ-Абускаго дворца, и наружныя, и внутреннія, съ верху до низу покрыты барельефами. Когда художникъ изъ камня или какого нибудь другого вещества изображаетъ человѣка или животное такъ, что вы видите тѣже формы, какія есть и въ человѣкѣ, или въ животномъ, то такое произведеніе искусства есть статуя. Статуя со всѣхъ сторонъ закруглена, какъ человѣкъ, или какъ животное; она со всѣхъ сторонъ окружена воздухомъ, ее ставятъ на подножье или пьедесталь. Не таковъ барельефъ. Онъ вырѣзанъ на плоскомъ камнѣ выпукло; онъ отдѣляется отъ плоскости тѣми только сторонами, каторыя обращены къ зрителю. Барельефами въ Египтѣ покрыты многія зданія съ верху до низу. Вотъ и на этомъ храмѣ всѣ стѣны, какъ мы уже сказали, и наружныя, и внутреннія въ барельефахъ. На наружныхъ видите войну и охоту; на внутреннихъ побѣдныя и религиозныя торжества. Вотъ барельефное изображеніе битвы на сушѣ между Египтянами и другими народами. Египтяне побѣждаютъ. Царь Египетскій, стоя на колесницѣ, также, какъ прочіе воины, пускаетъ въ непріятелей стрѣлы. Но его можно отличить отъ прочихъ воиновъ: ростомъ онъ выше всѣхъ, на головѣ змѣйка, кругомъ его

множество убитыхъ неприятелей. Египтяне сражаются съ людьми бородатыми, въ долгополыхъ одеждахъ; точно такія бороды носятъ Аравитяне, восточные сосѣди Египтянъ, и точно въ такихъ ходятъ долгополыхъ одеждахъ, какъ представлено на барельефѣ.

Но вотъ и морское сраженіе. Царь стоитъ на берегу: нѣсколько неприятелей лежитъ у ногъ его; другіе ударились въ бѣгство, а онъ осыпаетъ ихъ стрѣлами. На морѣ, между двумя флотами происходитъ схватка: Египетскій флотъ одолеваетъ. И у Египтянъ, и у ихъ неприятелей суда между собою сходныя, съ тою разницею, что на Египетскихъ судахъ носъ украшенъ либо львиною, либо бараньею головою. Гдѣ же происходитъ эта битва: на рѣкѣ Нилѣ, или на морѣ? нельзя ли это узнать? Ученые, занимающіеся древностями, даютъ такой отвѣтъ. На барельефѣ представлены суда большія, а рѣчныя Египетскія суда были очень малы, аршина два въ вышину: значить, эта битва не на рѣкѣ, не въ Нилѣ, а на морѣ. Но на какомъ морѣ? На Средиземномъ ли морѣ, омывающемъ сѣверные берега Египта, или на Индѣйскомъ, прилегающемъ къ восточному берегу Африки? На барельефѣ виденъ народъ безбородый, съ пуками перьевъ на шишакахъ, въ пес-трыхъ короткихъ и легкихъ одеждахъ, какія носятъ скорѣе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ: художники

и археологи узнаютъ въ немъ Индѣйцевъ. Слѣдовательно битва эта происходила, не на Средиземномъ морѣ, а на Индѣйскомъ или на томъ заливѣ Индѣйскаго моря, который называется Чернымъ или Краснымъ моремъ. Совсѣмъ въ другомъ родѣ тѣ сцены, каторыя представлены, тоже барельефо, внутри дворца. Тутъ видимъ царя Египетскаго въ ту минуту, какъ онъ дѣлаетъ смотръ побѣжденнымъ. Онъ и тутъ стоитъ въ колесницѣ; мимо него рядами проводятъ военнопленныхъ; въ каждомъ ряду отъ трехъ до четырехъ человекъ и по одному вожатому Египтянину. Несчастные обезоружены; руки у нихъ связаны, у нѣкоторыхъ даже надъ головою. Такъ жестоки были смотры въ тѣ суровыя времена! Дальше изваяно торжественное шествіе царя-побѣдителя. Видно, и въ самомъ дѣлѣ у Египтянъ за смотромъ побѣжденнымъ слѣдовало — торжество побѣдителей. Восемь воиновъ несутъ престолъ, на которомъ сидитъ царь Египетскій. На головѣ у этихъ воиновъ вьются перья. Въ рукѣ у царя ключи. Два генія, носясь надъ нимъ, пріосѣняютъ его крыльями. Подлѣ него находится левъ, копчикъ, змѣй и ефинскъ, символы величія. Шествіе состоитъ изъ воиновъ, одѣтыхъ по праздничному, и изъ жрецовъ, курящихъ ароматы. Одинъ изъ жрецовъ держитъ въ рукахъ свертокъ и читаетъ въ немъ: полагаютъ, что онъ

читаетъ военные подвиги царя побѣдителя. Вотъ все направляется къ храму Озириса, а вотъ и кумиръ Озириса. Изъ храма выступаютъ четыре жреца: они принимаютъ побѣдителя и вводятъ его въ храмъ, гдѣ онъ приноситъ жертвы передъ кумиромъ Озириса.

Мы видѣли, что наружныя сцены представляютъ войну; тутъ царь окруженъ воинами. На внутреннихъ же стѣнахъ побѣдное торжество и благодареніе за побѣду; тутъ вокругъ царя хоть и есть воины, но больше жрецовъ. Эти сцены ясно передаютъ намъ бытъ древнихъ Египтянъ. Въ древнемъ Египтѣ была тѣсная связь между царемъ, жрецами и воинами.

Царь Египетскій и самъ, до избранія своего въ царскій санъ, былъ воиномъ. Послѣ своего избранія онъ становился главнымъ вождемъ на войнѣ. Также какъ и другіе воины, представленъ царь на барельефахъ въ самомъ пылу битвы; какъ и прочіе, онъ мечетъ на всѣ стороны стрѣлы. Но онъ же и командовалъ на войнѣ. Египетскіе художники старались, чтобъ, при первомъ взглядѣ на ихъ произведенія, тотчасъ же можно бы было отличить царя отъ прочихъ лицъ: для этого помѣщали они царя впереди всего войска: такъ оно было и на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ изображали они царя такимъ рослымъ, выше всѣхъ? не происходитъ ли это отъ желанія придать царю и наружность

царскую? быть можетъ: Египетскимъ художникамъ рѣдко удавалось изобразить человѣка такъ, чтобъ можно было по чертамъ лица его узнать, къ какой кастѣ онъ принадлежитъ. Вы это узнаете на ихъ произведеніяхъ: но узнаете не по чертамъ лица, а по сюжету, по одеждѣ лицъ и т. п.

На внутреннихъ барельефахъ видимъ царя жрецомъ, съ ключами въ рукѣ. Эти ключи означаютъ, что жрецы, какъ бы отомкнули передъ царемъ ту дверь, за которою они хранили свои знанія, что они посвятили его въ свои тайны. Кто становился царемъ, тотъ ужъ во всю жизнь долженъ былъ вести себя по опредѣленнымъ правиламъ. Такъ, напримѣръ, возставъ отъ сна, царь долженъ былъ заняться присланными на его имя бумагами. Потомъ, умывшись, облекшись въ великолѣпный нарядъ и надѣвъ на себя знаки своей власти, онъ обязанъ былъ принести богамъ жертву. Во время приношенія жертвы, главный жрецъ въ присутствіи народа произноситъ громкую молитву о здоровіи и благоденствіи царя, охраняющаго права подданныхъ. Главный жрецъ обязанъ былъ провозглашать благочестіе царя къ богамъ, кротость его къ людямъ и другія доблести. Жрецы думали, что, приписывая государю такія доблести, они этимъ самымъ укореняютъ эти доблести въ душѣ его. И такъ государь въ Египтѣ долженъ былъ исполнять все то, что было въ уставѣ, а уставъ былъ дѣломъ

жрецовъ, и жрецы же наблюдали, чтобъ уставъ исполнялся. Такъ велика была власть Египетскихъ жрецовъ, что, при кончинѣ своего государя, они сами избирали другого. Даже и тогда, когда у покойнаго гусударя оставался сынъ, онъ становился царемъ не иначе, какъ послѣ торжественнаго избранія или утвержденія его жрецами.

Всѣ тѣ дѣйствія, какія представлены на внутреннихъ стѣнахъ Мединетъ-Абускаго дворца, тутъ же, въ стѣнахъ этого самаго дворца и происходили. Смотры, жертвоприношенія, молитвы совершались всенародно подъ тѣмъ самымъ голубымъ потолкомъ, по которому, какъ мы видѣли, разсѣяны золотыя звѣзды. Для того и построень этотъ потолокъ изъ самыхъ громадныхъ камней, чтобъ подъ его навѣсомъ всѣ присутствующіе укрыты были отъ жгучихъ лучей Африканскаго солнца. Обычай и климатъ Египта требовали такихъ потолковъ или крышъ, а для такихъ потолковъ нужны были толстыя приземистыя столбы.

Отъ Мединетъ-Абускаго дворца на сѣверо-западъ возносится рощица мимозы, этого легкаго перистаго деревца, котораго видъ въ состояніи оживить самую сухую, знойную степь. На одной равнинѣ съ цвѣтущею мимозой разбросано 17 колоссовъ или огромныхъ кумировъ: изъ нихъ часть только стоитъ, прочіе опрокинуты. Одинъ изъ нихъ, сажень въ 9 вышиною, прозывается

колоссомъ Мемноновымъ. Древніе Греки говорили, что онъ изображаетъ Мемнона, который, по мифологии, былъ сыномъ зари. Всякое утро, по баснѣ древнихъ, заря согрѣвала сына своими лучами; и только—что колоссъ Мемноновъ согрѣется лучами зари, начинали выходить изъ него стройные, пріятные звуки. На этой статуѣ до сихъ поръ есть надписи, и въ этихъ надписяхъ можно прочесть, что составители ихъ сами слышали подобные звуки. Случай далъ возможность французскимъ художникамъ, отправленнымъ въ Египетъ Наполеономъ I, объяснить диковинку. «Когда мы находились въ гранитныхъ покояхъ Карнакского дворца, рассказываютъ французскіе художники, то услышали внезапно при восходѣ солнца звукъ. Онъ походилъ на звукъ дрожащей струны: такимъ, вѣрно, былъ и звукъ, выходившій изъ Мемнонова колосса. Услышанный нами звукъ выходилъ, казалось, изъ громадныхъ камней, образующихъ потолокъ. Не происходитъ ли онъ отъ внезапной перемѣны въ воздухѣ? и Мемнонова статуя издавала такой звукъ не всякой день, а изрѣдка.»

Къ сѣверу отъ этого поля, покрытаго колоссами, стоитъ зданіе древняго царя Озимандія. Такъ какъ оно въ развалинахъ, то иные принимаютъ его за дворець, а другіе за гробницу. Здѣсь, какъ и во дворцѣ Мединетъ-Абускомъ, есть дворъ съ колонами, заваленный обломками.

Всматриваясь въ нихъ, узнаете, что все это обломки одной статуи. Сохранились только голова, руки и ноги. Ширина колосса въ плечахъ — три сажени; одинъ указательный палецъ имѣетъ больше полутора аршина въ длину. Статуя изваяна изъ розоваго гранита, какой водится въ окрестностяхъ Сіены. Близъ этого города видно еще то мѣсто въ скалѣ, изъ котораго добыта эта диковинка. Отъ Сіены до Оивъ 180 верстъ. Египтяне умѣли перевезть на судахъ по теченію Нила каменную громаду, которая должна была вѣсить не меньше 50 тысячъ пудъ. Въ этомъ самомъ дворцѣ есть барельефная картина, на которой виденъ любопытный маневръ Египетскаго войска. Изображена осада четырехъ — этажнаго замка. Осаждающіе, Египтяне, стоятъ подъ стѣною замка, и держатъ надъ головами плотно сомкнутые щиты. Всѣ щиты образуютъ какъ бы навѣсъ; изъ подъ этого навѣса виднѣются однѣ ноги тѣхъ воиновъ, которые держатъ щиты. Другіе воины, тоже изъ числа осаждающихъ, приставивъ лѣстницу къ стѣнѣ замка, взбираются по ней. Нѣкоторые изъ нихъ ужь ворвались въ нижній этажъ замка. Между тѣмъ осаждаемые пускаютъ въ нихъ сверху камня и горючія вещества. Однакоже побѣда клонится на сторону Египтянъ. Этотъ особенный маневръ, посредствомъ котораго щиты сдвигались такъ плотно, что по-

лучали видъ черепахи, въ древности такъ черепахой назывался. Чтобъ исполнить его, всѣмъ воинамъ нужно было двигаться стройно и согласо, и строго слушаться команды.

Подлѣ этого дворца находится небольшой храмъ Изиды, на стѣнѣ котораго цвѣтнымъ барельефомъ представленъ судъ надъ покойникомъ. На многихъ памятникахъ Египетскихъ видимъ, что одинъ изъ ихъ боговъ судить покойника, который положенъ на вѣсы: по одну сторону вѣсовъ стоитъ фигурка съ собачьею головою: она изображаетъ собою дурныя наклонности человѣка; по другую сторону вѣсовъ находится какое-то существо съ головой копчика: оно выражаетъ хорошія наклонности человѣка. Покойника судить Озирисъ или Сераписъ, одинъ изъ главныхъ боговъ древнихъ Египтянъ. Онъ смотритъ, на которую сторону наклонятся вѣсы. По понятіямъ Египтянъ, если лучшія наклонности души брали верхъ надъ худшими, то онъ оставался въ жилищѣ мертвыхъ, а если наоборотъ, то онъ выкидывался оттуда. Итакъ и у Египтянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, было понятіе о вознагражденіи и наказаніи человѣка послѣ смерти. Но это благотворное понятіе затемнялось у нихъ многими странными учрежденіями, въ родѣ слѣдующаго. Когда кто нибудь умиралъ, то прежде, чѣмъ приступить къ похоронамъ, надъ нимъ производили судъ. Сорокъ

судей разбирали поведеніе умершаго и рѣшали: достоинъ ли онъ погребенія или нѣтъ. Всякой имѣлъ право прійти въ этотъ судъ и обвинить покойника; потомъ разбирали, справедливо ли это обвиненіе. Если обвиненіе оказывалось справедливымъ, то покойника не погребали; если же обвиненіе было несправедливо, то обвинителя строго наказывали, а покойника хоронили. Не странно ли видѣть, что они произносили публичный судъ надъ покойникомъ, принимая во вниманіе его поведеніе при жизни? такой судъ принадлежитъ одному Богу, который видитъ всѣ наши дѣйствія и мысли, часто невидимыя для людей.

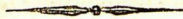
Всѣ до сихъ поръ описанные нами памятники древнихъ Оивъ находятся на лѣвомъ берегу Нила; теперь обратимся къ тѣмъ остаткамъ Оивъ, которыя разсѣяны по правому берегу. Здѣсь возвышаются славные памятники Карнакскіе. Они занимаютъ такое обширное пространство, что для того, чтобъ объѣхать ихъ шагомъ, нужно полтора часа. Отъ набережной Нила до главнаго дворца Карнакскаго тянулась въ древности цѣлая аллея, состоявшая изъ огромныхъ каменныхъ сфинксовъ съ львиными туловищами и бараными головами. Въ этомъ дворцѣ есть палата сажень въ 1000 квадратныхъ. Столбы, поддерживающіе потолокъ, имѣютъ до 9 сажень вышины и почти полторы въ толщину. Значить, здѣсь длина стол-

бовъ въ 6 разъ больше, чѣмъ ихъ толщина, не такъ, какъ вы видѣли въ храмѣ Мединетъ-Абускомъ. За то столбовъ, поддерживающихъ этотъ потолокъ, 134 штуки. Стѣны тутъ тоже съ верху до низу въ барельефахъ. Эта палата Карнакского дворца такъ громадна, такъ великолѣпна, что, по общему мнѣнію, это должна быть та самая палата, въ которой Оивскіе цари являлись во всемъ своемъ блескѣ народамъ восточнымъ и западнымъ, и принимали отъ нихъ дань, приносимую издалека. Этотъ дворецъ очень древенъ. По нѣкоторымъ частямъ его можно судить, что онъ перестроенъ изъ другого зданія, еще болѣе древняго. Сравнивали барельефную работу позднѣйшихъ частей дворца съ работою древнихъ частей. Нашли, что работа на древнихъ частяхъ ужь такъ же отчетлива, какъ и на позднѣйшихъ: а какъ много прошло вѣковъ, пока стали такъ отчетливо работать? Итакъ, еслибы мы и не знали изъ исторіи о глубокой древности Оивъ Египетскихъ, то отъ самымъ памятниковъ Оивскихъ пахнуло бы на насъ древностью.

Остается сказать нѣсколько словъ о гробницахъ Оивскихъ. Въ томъ кряжѣ горъ, который находится на лѣвомъ берегу Нила, выдѣланы руками древнихъ Египтянъ пещеры, куда складывали они мертвыя тѣла. Пещеры устроены въ нѣсколько этажей: нижній этажъ включаетъ въ себѣ большіе покои, куда складывали богатыхъ покойни-

ковъ; чѣмъ выше, тѣмъ эти покои мельче и хуже. На стѣнахъ богатыхъ покоевъ — барельефы мужчинъ и женщинъ; муміи или бальзамированныя тѣла, которыя прежде лежали въ ящикахъ — теперь валяются по полу. Мы видѣли, что изображенія во дворцахъ и храмахъ отличаются громадностью; здѣсь, въ пещерахъ, напротивъ того, стѣны украшены маленькими фигурами въ два дюйма вышины. Одни вѣшаютъ товаръ, другіе пируютъ, третьи пляшутъ; тутъ сцена сельская, тамъ судоходство по Нилу; дальше животныя и инструменты музыкальные. Все это расписано тщательно, такъ что на этихъ стѣнныхъ картинкахъ можно видѣть частную жизнь Египтянъ, точно такъ же, какъ на огромныхъ фигурахъ дворцовыхъ и храмовыхъ можно видѣть ихъ жизнь общественную.

Если когда нибудь попадетъ вамъ какое нибудь сочиненіе съ гравюрами, и подъ этими гравюрами прочтете вы подписи съ именами Мединетъ-Абу, Мемнона, Озимапдія, Изиды, Карнака, или съ названіемъ: Оивскія пещеры или катакомбы, то остановите ваше вниманіе на этихъ предметахъ: вы тутъ глазами увидите то, что теперь, при описаніи, могли себѣ представить однимъ воображеніемъ.

ФРАНКЛИНЪ.

(Продолженіе.)

VI.

Политическая жизнь Франклина началась гораздо раньше, чѣмъ прекратилась его промышленная дѣятельность. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимался вмѣстѣ и коммерческими, и общественными дѣлами; но разбогатѣвши, оставилъ торговлю и посвятилъ себя исключительно государственной службѣ. Еще въ 1736 году сограждане избрали его секретаремъ пенсильванскаго законодательнаго собранія. Черезъ годъ послѣ того, колоніяльное начальство поручило ему должность почтмейстера Пенсильваніи; а въ 1753 году британское правительство назначило его на открывшуюся тогда вакансію почтѣ-директора англо-американскихъ колоній. Званіе главноуправляющаго почтовымъ вѣдомствомъ представило Франклину возможность оказать существенную услугу отечеству. Понимая всю общественную важность хорошихъ путей сообщенія,

онъ немедленно приступилъ къ улучшенію дорогъ и въ нѣсколько лѣтъ достигъ того, что земледѣліе и торговля колоній пришли въ цвѣтущее состояніе, а почтовый доходъ увеличился втрое противъ прежняго.

Общее довѣріе къ мудрости и неподкупному правосудію Франклина возлагало на него обязанности самыя разнообразныя. Губернаторъ Пенсильваніи назначилъ его мирнымъ судьей; городская корпорація избрала его сначала членомъ общаго со-вѣта, а потомъ альдерманомъ; сограждане десять разъ сряду поручали ему должность члена провинціального собранія: но самъ Франклинъ ни разу не домогался общественныхъ почестей. Онъ строго держался правила: *никогда не просить мѣсть, не отказываться отъ должностей и не покидать возложенныхъ на него порученій*. Оттого-то всѣ обязанности, какъ бы ни были онѣ многосложны и разнородны, исполнялись имъ одинаково хорошо и добросовѣстно.

Сдѣлавшись членомъ пенсильванскаго собранія, онъ въ короткое время приобрѣлъ тамъ огромный авторитетъ, такъ что прочіе члены не предпринимали безъ него ничего важнаго. Никто не умѣлъ лучше его доказать, въ случаѣ нужды, пользу той или другой мѣры, того или другого распоряженія. Краткими, сильными и убѣдитель-

ными доводами онъ всегда привлекалъ на свою сторону большинство голосовъ и такимъ образомъ всегда доставлялъ успѣхъ тому дѣлу, въ пользу котораго ходатайствовалъ.

Постоянный совѣтникъ колоніи въ мирное время, онъ умѣлъ быть ей полезнымъ и въ эпоху войнъ между Англіей и Франціею. Державы эти, вмѣшавшись въ борьбу Австріи съ Пруссіей за наслѣдство австрійскаго престола, приняли разныя стороны — Франція сторону прусскаго короля, а Великобританія сторону императрицы Маріи-Терезы — и въ 1742 году объявили другъ другу войну, отозвавшуюся и въ заатлантическихъ владѣніяхъ обѣихъ континентальныхъ державъ.

Нужно было поставить колоніи на военную ногу. Пенсильванія особенно нуждалась въ средствахъ къ оборонѣ: у нея не было ни войска, ни оружія. По предложенію Франклина, десять тысячъ человекъ соединились для образованія изъ себя милиціи и для приобрѣтенія орудій. Восемь пушекъ было куплено въ Бостонѣ, еще нѣсколько заказано въ Лондонѣ; но общее количество приобрѣтенныхъ милиціонерами орудій все-таки оказывалось недостаточнымъ для успѣшной защиты колоніи. Безъ посторонней помощи обойтись было невозможно, и потому Франклинъ отправился въ Нью-Йоркъ къ тамошнему губерна-

тору съ просьбой о содѣйствіи. Клинтонъ — такъ звали губернатора — сначала отказалъ было наотрѣзъ, но потомъ, благодаря искусному ходатайству Франклина, согласился и прислалъ пенсильванцамъ восемнадцать пушекъ. Франклину кромѣ того было поручено заключить въ Карляйлѣ оборонительный трактатъ съ шестью индѣйскими племенами, обитавшими между озеромъ Онтарио и предѣлами англо-американскихъ владѣній. И это порученіе исполнилъ онъ успѣшно, склонивши дикихъ ирокезцевъ принять всѣ, предложенныя имъ, условія. Такимъ образомъ, при помощи его, безопасность колоній была обезпечена съ моря батареями, а со стороны Аллеганскихъ горъ договоромъ съ индѣйцами.

Опасность, грозившая англо-американскимъ колоніямъ, усилилась во время семилѣтней войны, когда Англія приняла сторону Пруссіи, а Франція сторону Австріи. Французы, населявшіе Канаду, въ свою очередь заключили союзъ съ пограничными дикарями и, перейдя озера, вознамѣрились напасть на англійскія владѣнія съ суши. Встревоженные колоніи послали отъ себя комиссаровъ въ Альбани для того, чтобы тамъ условиться съ шестью индѣйскими племенами о средствахъ къ защитѣ. Эти комиссары, въ числѣ которыхъ былъ и Франклинъ, собрались на конгрессъ въ половинѣ іюня 1754 года. Здѣсь впер-

вые были задуманы и предложены проекты *союза* тринадцати колоній. Планъ, представленный Франклиномъ, заключался въ слѣдующемъ: управленіе *союзомъ* предполагалось ввѣрить *президенту*, коронному чиновнику; а президента подчинить *верховному совѣту*, члены котораго избирались бы народными представителями, членами различныхъ колоніяльныхъ собраній. Этотъ планъ, весьма похожій на тотъ, который колоніи усвоили себѣ въ минуту своего освобожденія, заслужилъ предпочтеніе предъ всѣми прочими и былъ единодушно одобренъ всѣми членами конгресса.

Но ему не суждено было осуществиться. Англійское правительство нашло его слишкомъ опаснымъ. Оно боялось, что колоніи, защищаясь сами, сдѣлаются воинственными и, пожалуй, вздумаютъ освободиться изъ-подъ власти метрополи, если только сознаютъ собственную силу. Поэтому оно признало лучшимъ взять защиту колоній на свой страхъ и отправило въ Америку два полка, подъ начальствомъ генерала Браддока. Колоніяльныя собранія, въ свою очередь, опасались усилить королевскую власть допущеніемъ въ свою среду *президента*, зависящаго отъ короны, и не хотѣли ослабить свое частное значеніе учрежденіемъ такой общей администраціи, которая, представляя ихъ всѣхъ, была бы выше каждаго изъ нихъ

въ отдѣльности. Эта общая организація, долженствовавшая составить силу, упрочить свободу и сдѣлаться славою тринадцати колоній, преобразовавшихся въ Соединенные Штаты, могла явиться только въ слѣдствіе крайней необходимости, которой тогда еще не было, но которая обнаружилась, спустя двадцать лѣтъ.

Генераль Брэддокъ высадился на берегъ въ Виргиніи, проникъ въ Мариландъ и вознамѣрился, перейдя черезъ Аллеганскія горы, подвинуться, вдоль озеръ, до предѣловъ Канады; но для исполненія этого плана необходимы были перевозочныя средства, а ихъ у Брэддока не было. Дѣятельный Франклинъ взялся пособить горю и дѣйствительно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, онъ доставилъ англичанамъ полтораста телегъ и тысячу пятьсотъ лошадей, верховыхъ и вьючныхъ, поручившись за нихъ поставщикамъ въ уплатѣ 120,000 рублей. Брэддокъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ двадцати-двухлѣтнимъ полковникомъ виргинской милиціи, Георгомъ Вашингтономъ, въ послѣдствіи президентомъ Сѣверо-Американской республики. Къ несчастью, англійскій генераль, привыкшій къ правильной войнѣ, не понялъ, что въ лѣсистыхъ лощинахъ Америки нельзя сражаться такъ, какъ на открытыхъ равнинахъ Европы: противъ французовъ, скрывавшихся въ засадахъ, и противъ индѣйцевъ, нападавшихъ по-

рознь, онъ велъ своихъ солдатъ густыми массами. Въ началѣ юля 1755 года Брэддокъ былъ атакованъ непріателемъ въ лѣсахъ, потерпѣлъ поражение и былъ убитъ прежде, чѣмъ успѣлъ достигъ непріятельскихъ фортовъ или встрѣтить французовъ въ открытомъ полѣ. При этомъ случаѣ Вашингтонъ пріобрѣлъ громкую славу: въ то время, какъ регулярныя войска, смотрѣвшіе на ополченцевъ съ величайшимъ презрѣніемъ, были разсѣяны, храбрый полковникъ милиціи прикрылъ отступление и спасъ остатки англійскаго войска.

Вслѣдъ за поражениемъ Брэддока, Франклинъ убѣдилъ пенсильванское собраніе назначить новый налогъ въ 50,000 ф. ст. (300,000 руб.) и настоялъ на томъ, чтобы милиція была правильно организована и обучена военному искусству. Такъ какъ граница Пенсильваніи была совершенно открыта для непріятельскихъ вторженій, и такъ какъ пограничные жители часто подвергались нападѣніямъ дикихъ, которые, разрушая жилища, убивали и скальпировали людей, то Франклину было поручено защитить предѣлы колоніи устройствомъ линіи фортовъ. Въ январѣ 1756 года, пятидесятилѣтній Франклинъ, ставши во главѣ небольшого отряда изъ пятисотъ человекъ, вооруженныхъ ружьями и топорами, приблизился къ сѣверозападной границѣ, расположилъ свой станъ подъ открытымъ небомъ и, подвергаясь всевоз-

возможнымъ лишеніямъ, ночуя часто подъ дождемъ и снѣгомъ, принялся за работу: неутомимо преслѣдовалъ индѣйцевъ, которыхъ принудилъ наконецъ отступить, и построилъ въ удобныхъ мѣстахъ три форта на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, что, въ случаѣ нужды, они весьма легко могли подать другъ другу помощь.

По возвращеніи Франклина въ Филадельфію, пенсильванскій полкъ избралъ его своимъ полковникомъ; но званіе это оставалось за Франклиномъ не долго. Англійское правительство, опасавшееся самостоятельности колоній, запретило имъ держать постоянныя войска, уничтожило всѣ ихъ военныя распоряженія и прислало имъ своихъ солдатъ подъ командою генерала Лаудона. Англіи нужны были подати, а не войска американцевъ.

Вопросъ о податяхъ сдѣлался съ тѣхъ поръ источникомъ различныхъ затрудненій, кончившихся совершеннымъ отпаденіемъ американскихъ колоній отъ Англіи. Онъ же породилъ весьма оживленную борьбу между Пенсильваніей и наследниками Вильяма Пенна, основателя и перваго губернатора этой колоніи, которая составляла прежде его личную собственность, утвержденную за нимъ англійскимъ правительствомъ. Рѣшившись преобразовать обширныя свои помѣстья въ колонию, Пеннъ уступилъ одну часть земли колони-

стамъ, а другую оставилъ за собою свободною отъ всѣхъ налоговъ. Колонисты охотно признали за нимъ такую льготу, потому что она освобождала ихъ отъ необходимости платить губернатору жалованье; а ему давала возможность съ успѣхомъ исполнять обязанности и поддерживать блескъ губернаторскаго сана. Съ теченіемъ времени отношенія между владѣльцами колоніи и колонистами совершенно измѣнились: потомки Пенна, переселившись изъ Америки въ Англію, перестали принимать непосредственное участіе въ управленіи Пенсильваніею, но продолжали назначать туда губернаторовъ, жалованье которымъ платила колонія. Такимъ образомъ они сами лишили себя права на льготу, дарованную ихъ предку, потому что добровольно нарушили условіе, съ которымъ эта льгота была связана. Справедливость требовала, чтобъ ихъ участки несли на себѣ, одинаково со всѣми прочими, тягость общественныхъ повинностей; но помѣщики не заботились о справедливости и думали лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ: особыми инструкціями они запретили губернаторамъ утверждать тѣ постановленія мѣстнаго законодательнаго собранія, которыя не дѣлали въ пользу помѣщичьихъ земель никакого изъятія. Несогласія по этому предмету усилились особенно съ тѣхъ поръ, какъ пенсильванское собраніе стало опредѣлять частые и значи-

тельные денежные сборы для нуждъ и защиты колоніи.

Въ 1757 году оно постановило обложить колонию налогомъ въ 100,000 фунт. стерл. (600,000 рублей) на военныя издержки и часть этой суммы вручить генералу Лаудону; но губернаторъ Денни запретилъ приводить эту мѣру въ исполненіе, потому что тяжесть налога падала и на земли владѣльцевъ. Представители Пенсильваніи, раздраженные такимъ эгоистическимъ и несправедливымъ поступкомъ, немедленно отправили Франклина въ Лондонъ съ жалобой королю на беззаконныя дѣйствія губернаторской власти, нарушавшей права колоніи и вредившей интересамъ короны.

По прибытіи въ Англію, Франклинъ убѣдился, что общественное мнѣніе метрополіи расположено вовсе не въ пользу колонистовъ. Враги Пенсильваніи представили ее англичанамъ неблагодарною къ потомкамъ Пенна и въ добавокъ распустили слухъ, будто она сама отказывается дать правительству средства для борьбы съ непріятелемъ. Начинать при такихъ обстоятельствахъ тяжбу значило почти навѣрное проиграть ее. Франклинъ понялъ это, и потому, прежде чѣмъ повести дѣло судебнымъ порядкомъ, постарался ознакомить англичанъ съ настоящимъ положеніемъ спорнаго вопроса: напечаталъ нѣсколько

статей въ газетахъ и обнародовалъ отдѣльную брошюру о колоніальномъ устройствѣ Пенсильваніи и о несогласіяхъ, возникшихъ между ея губернаторами и законодательнымъ собраніемъ. Доказавши самымъ убѣдительнымъ образомъ правоту колоніи и несправедливость ея противниковъ, онъ приступилъ къ официальной защитѣ дѣла и въ короткое время успѣлъ склонить судей на свою сторону. Наслѣдники Пенна, отчаявшись выиграть тяжбу, поспѣшили заключить мировую, по которой обязались уплачивать поземельныя подати наравнѣ со всѣми прочими колонистами.

Слава искуснаго депутата Пенсильваніи быстро распространилась и въ другихъ американскихъ колоніяхъ, изъ которыхъ Мариландъ, Массачузеттъ и Георгія прислали ему, въ знакъ своего довѣрія, грамоты на званіе ихъ уполномоченнаго въ Англіи. Франклинъ вполне оправдалъ такое довѣріе, потому что пребываніемъ своимъ въ Лондонѣ принесъ пользу всей англійской Америкѣ. По его совѣту и по его указаніямъ, старшій Питтъ (лордъ Чатамъ) предпринялъ и совершилъ завоеваніе французской Канады, пріобрѣтеніе которой было необходимо для того, чтобъ обезопасить англійскія колоніи съ сухого пути. Парижскій трактатъ 10 февраля 1763 года, положившій конецъ Семилѣтней войнѣ, призналъ Канаду собственностью Англіи. Съ тѣхъ поръ англо-американскія

колоніи, обезпеченныя отъ непріятельскихъ вторженій съ сѣвера, получили возможность безпрепятственно развиваться въ направленіи къ западу. Лѣтомъ 1762 года, когда Франклинъ вернулся въ Филадельфію, пенсильванское собраніе, желая вознаградить его за понесенные имъ труды и почтить его патріотическія заслуги, опредѣлило: выдать ему 5.000 фунт. стерл. (30.000 рублей) и выразить общественную благодарность за то, что онъ честно исполнилъ свои обязанности относительно колоніи, и за то, что онъ, во время своего пребыванія въ Великобританіи, оказалъ важныя услуги Америкѣ вообще.

Вслѣдъ за несогласіями между Пенсильваніею и потомками ея основателя, началась болѣе важная распря между всѣми колоніями и метрополіею. Трудная роль защитника правъ Америки отъ притязаній Англіи выпала снова на долю Франклина.

VI.

Осенью 1764 года начались въ Пенсильваніи выборы новыхъ членовъ въ законодательное собраніе. Наслѣдники Пенна, сильныя вліяніемъ губернатора, преданнаго имъ душою и тѣломъ, воспользовались удобнымъ случаемъ для отмщенія тому, въ комъ они видѣли смертельнаго врага своего. Они желали устранить всѣхъ своихъ противниковъ

изъ собранія; но преимущественно направили козни противъ ненавистнаго имъ Франклина. При содѣйствіи губернатора и другихъ приверженцевъ, усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ: Франклинъ, котораго сограждане четырнадцать лѣтъ сряду единогласно избирали своимъ депутатомъ, былъ наконецъ, по проискамъ враговъ, забаллотированъ. Противная партія торжествовала впрочемъ не долго, потому что сторонники Франклина, составлявшіе и въ новомъ собраніи большинство, снова избрали его агентомъ Пенсильваніи и вторично послали его въ Англію.

Наканунѣ отъѣзда, онъ трогательно простился съ своими соотечественниками: «Я расстаюсь, сказалъ онъ, быть можетъ, навсегда со странюю, которую нѣжто люблю, со странюю, въ которой я провелъ большую часть жизни. Желая всякаго благополучія друзьямъ моимъ, и чистосердечно прощаю моимъ врагамъ.» Ему было поручено ходатайствовать передъ королемъ о выкупѣ у потомковъ Пенна права управлять колоніею; но въ Англіи предстояла ему болѣе важная роль, роль неустрашимаго защитника правъ всѣхъ англо-американскихъ колоній.

Налогъ, которымъ англійскій парламентъ хотѣлъ въ 1765 году обложить колоніи, былъ первымъ поводомъ къ возстанію. Англичане, на всемъ протяженіи британскихъ владѣній, пользовались одинаковыми политическими и гражданскими пра-

вами, составлявшими лучшее и драгоценнѣйшее ихъ достояніе. Часть подданныхъ великобританской короны, переселившаяся въ сѣверную Америку, перенесла туда и главнѣйшія основы англійской конституціи: личную неприкосновенность, обеспеченное пользованіе имуществомъ, судъ присяжныхъ и право участія въ общественныхъ дѣлахъ. Эти права, перешедшія въ плоть и кровь цѣлаго народа, сдѣлались главными условіями существованія, чести и благосостоянія американцевъ.

Хотя тринадцать колоній, составлявшихъ англо-американскія владѣнія, разнились другъ отъ друга и общественнымъ устройствомъ, и политическою администраціею; но основныя англійскія учрежденія были у всѣхъ у нихъ одинаковы. Колоніи, лежащія къ югу отъ Гудзоновой рѣки, отличались отъ колоній сѣверныхъ и характеромъ населенія, и способомъ обработки земли. Въ поземельномъ устройствѣ южныхъ колоній, Виргиніи, обѣихъ Каролинъ и Георгіи, преобладалъ элементъ аристократическій. Тамошніе землевладѣльцы обладали обширными помѣстьями, которыя, на основаніи англійскихъ законовъ о наслѣдствѣ, переходили отъ отца къ старшему сыну, въ которыхъ земля воздѣлывалась большею частью невольниками. Въ сѣверныхъ колоніяхъ, напротивъ, полнѣйшее гражданское равенство, поддерживаемое религіоз-

ною независимостью пуританскаго ученія, придало Коннектикуту, Родъ-Айленду, Массачузетту, Нью-Гампширу и др. характеръ чисто демократическій. Тамъ не было ни различія въ сословіяхъ, ни майората въ семействахъ, ни крѣпосного труда въ деревняхъ; не было тамъ ни могущественныхъ помѣщиковъ, ни земледѣльцевъ-невольниковъ.

Не только устройство, но и правительство колоній было не одинаково. Однѣ изъ нихъ, какъ напр. Пенсильванія, Мариландъ, обѣ Каролины и Георгія, уступленныя въ собственность частному лицу или отдѣльнымъ учрежденіямъ, имѣли во главѣ своей губернаторовъ, назначеніе которыхъ зависѣло отъ владѣльцевъ этихъ колоній. Другія, по примѣру Нью-Йорка, подчинялись короннымъ губернаторамъ, и наконецъ третьи, къ числу которыхъ принадлежали Коннектикутъ, Нью-Джерси, Массачузеттъ, Родъ-Айлендъ и Нью-Гампширъ, управлялись сами собою, подъ верховнымъ покровительствомъ метрополіи.

Помимо этихъ различій, колоніи имѣли много сходнаго между собою. Такъ, всѣ онѣ дѣлились на общины; нѣсколько общинъ вмѣстѣ составляли графство; сумма графствъ каждой колоніи называлась штатомъ; а изъ штатовъ составился въ послѣдствіи Союзъ (*Union*). Въ каждой колоніи общины самостоятельно управляли мѣстными дѣлами своими; а графства пользовались правомъ

назначать отъ себя депутатовъ въ общее собраніе штата, представлявшее нѣчто въ родѣ колоніальнаго парламента. Это собраніе, гдѣ обсуживались общіе интересы колоній, гдѣ составлялись мѣстные законы, и гдѣ опредѣлялись необходимые налоги, было гораздо демократичнѣе англійскаго парламента. Оно состояло изъ одной лишь палаты общинъ. Палаты лордовъ въ Америкѣ не могло быть, потому что не было въ ней ни феодальной аристократіи, ни высшаго духовенства, изъ которыхъ образовался верхній парламентъ въ Англіи. Были, правда, аристократическія фамиліи въ Виргиніи и въ Каролинѣ; но вообще переселенцы, основавшіе колоніи, принадлежали къ низшимъ сословіямъ. Законодательное собраніе, члены котораго состояли изъ ежегодно избравшихся представителей графствъ, исполняло въ каждой колоніи всѣ обязанности верховной власти, за исключеніемъ администраціи, которая сосредоточивалась въ лицѣ губернатора.

Колоніи искони пользовались правомъ самостоятельности въ опредѣленіи налоговъ. Король требовалъ у нихъ чрезъ губернаторовъ необходимыхъ для Англіи субсидій, и колоніи добровольно подавали голоса въ пользу или противъ королевскаго требованія. Сверхъ чрезвычайныхъ налоговъ, англо-американцы платили метрополіи подушныя и перемельныя подати, налогъ съ доходовъ, по-

шлины съ вина, съ рома, со всѣхъ спиртныхъ напитковъ и наконецъ по десяти фунтовъ стерлинговъ за cadaго негра, привезеннаго въ невольническія колоніи. Всѣ эти сборы въ сложности представляли огромную цифру; но тутъ еще не кончалась польза, которую Англія извлекала изъ своихъ американскихъ владѣній. Доходомъ британскаго правительства соотвѣтствовали не менѣе значительныя выгоды англійской націи, пользовавшейся въ сѣверной Америкѣ монополіею торговли и судоходства. Англійскіе фабриканты снабжали колонистовъ всѣми мануфактурными произведеніями, потребленіе которыхъ расло съ каждымъ годомъ по мѣрѣ увеличенія населенія и богатства колоній. За три года до разрыва съ Англіей, американцы, въ числѣ двухъ съ половиною милліоновъ жителей, получали отъ нея товаровъ на сумму 6.022,032. фунт. стерл., т. е. болѣе, чѣмъ на 36 милліоновъ рублей.

Нанасытная жадность и безразсудное властолюбіе британскаго правительства нарушили связь между метрополіей и ея колоніями и навсегда лишили казну значительной части доходовъ, а націю огромныхъ барышей. Еще въ 1739 году нашлись люди, предлагавшіе тогдашнему главѣ англійскаго министерства, Роберту Вальполю, обложить американскія колоніи податью, которая дала бы Англіи возможность успѣшно вести войну съ

Испаніей. Но дальновидный министр, смѣясь, отвѣтилъ: «Нѣтъ, ужь пусть это сдѣлаеть кто нибудь изъ моихъ преемниковъ, у котораго храбрости окажется больше, а любви къ торговлѣ меньше, чѣмъ у меня.» Храбрый преемникъ явился въ 1764 году. Министръ Гренвиль не побоялся отнять у американскихъ собраній право устанавливать налоги и передалъ его англійскому парламенту. Мѣра эта была не простымъ нововведеніемъ, а насильственнымъ переворотомъ. Колоніи не имѣли представителей въ англійскомъ парламентѣ и потому были въ правѣ не подчиняться рѣшеніямъ, на которыя не давали своего согласія. Не смотря на то, Гренвиль представилъ парламенту, и парламентъ въ 1765 году утвердилъ *актъ о гербовой пошлинѣ*. На основаніи этого закона, всѣ торговыя и частныя сдѣлки американцевъ должны были совершаться не иначе, какъ на гербовой бумагѣ; а доходъ отъ нея долженъ былъ поступать въ англійскую казну.

Актъ о гербовой пошлинѣ грозилъ колоніямъ потерю древнихъ правъ и началомъ новой зависимости. Опасаясь сдѣлаться данниками англійскаго парламента, онѣ рѣшительно отказались подчиняться новому закону, который, по ихъ словамъ, выражалъ собою *безуміе Анліи и гибель Америки*. Американскія газеты, проникнутыя общимъ негодованіемъ, заговорили о необходимости *сосдиниться или*

умереть. По приглашенію массачузеттскаго собранія, въ октябрѣ 1765 года былъ созванъ въ Нью-Йоркѣ конгрессъ изъ депутатовъ всѣхъ тринадцати колоній. Народные представители составили энергическое прошеніе и объявили въ немъ королю и парламенту, что американцы твердо рѣшились защищать свои права до послѣдней крайности. Въ тоже время они взаимно обязались не покупать гербовой бумаги, не выписывать изъ Англіи товаровъ, обложенныхъ пошлиною, и вообще сопротивляться всѣми силами гербовому сбору, взиманіе котораго должно было начаться въ ноябрѣ. Постановленія конгресса строго соблюдались всѣми колонистами; торговыя сношенія Америки съ Великобританіей прекратились. Въ ноябрѣ гербовая бумага была повсемѣстно уничтожена въ Америкѣ; народъ разбилъ кладовыя, гдѣ она хранилась, и сжегъ ее до послѣдняго клочка.

Передъ такими проявленіями неудовольствія метрополія вынуждена была сдѣлать уступку. Новое министерство, составленное маркизомъ Роккингамомъ, пригласило въ парламентъ, для совѣщаній, Франклина, успѣвшаго заслужить въ Англіи авторитетъ человѣка вполнѣ безпристрастнаго. Ясные доводы и практическіе совѣты, которыми Франклинъ сильно содѣйствовалъ уничтоженію акта о гербовой пошлинѣ, дали почувствовать парламенту всю тяжесть этого налога

для Америки и всю опасность его для Англии. Актъ былъ отмѣненъ 22 февраля 1766 года, но къ сожалѣнію не безусловно.

Англійское правительство дѣйствительно отказалось отъ неблагоразумной мѣры, но не согласилось отречься отъ незаконно присвоеннаго имъ себѣ права дѣлать впредь подобныя распоряженія. Утверждая, что законодательная власть метрополіи простирается на всѣ части британскихъ владѣній, оно, одновременно съ отмѣною акта о гербовой пошлинѣ, обнародовало билль, въ которомъ было сказано, что король и парламентъ Англии имѣютъ право издавать законы и постановленія обязательныя для всѣхъ англійскихъ колоній. Эта гибельная теорія не замедлила получить новое примѣненіе къ дѣлу. Въ 1769 году англійское правительство, полагавшее, что колоніи легко подчинятся *косвенному* налогу, опредѣлило взимать пошлину съ тѣхъ товаровъ, которые получались американцами изъ Англии, именно со стекла, съ бумаги, кожи, красокъ и съ чая. Такимъ образомъ оно возобновило борьбу, которая на этотъ разъ должна была кончиться или совершеннымъ порабощеніемъ, или же полнымъ освобожденіемъ колоній.

Америка возстала противъ пошлины на товары такъ же энергически и такъ же единодушно, какъ прежде противъ гербоваго сбора. Провинція Массачузеттъ, населеннѣйшая и могуществен-

нѣйшая изъ всѣхъ американскихъ колоній, снова подала первый сигналъ къ возстанію и предложила образовать новый колоніальный союзъ съ цѣлью не покупать англійскихъ произведеній. Правительство поспѣшило распустить ея законодательное собраніе, но этимъ не уняло начавшагося волненія: массачузетцы смѣло созвали новую палату подъ именемъ *конвента*. Войска, отправленныя въ Бостонъ, главный городъ Массачузетта, имѣли нѣсколько кровопролитныхъ сшибокъ съ народомъ; но волненіе и послѣ того не утихло. Условія союза были подписаны депутатами всѣхъ тринадцати колоній. Американцы повсюду осудили себя на добровольныя лишенія: перестали пить чай, одѣлись въ простыя одежды, отказались отъ англійскихъ товаровъ и довольствовались грубыми произведеніями собственныхъ фабрикъ, быстро возникавшихъ при помощи общественныхъ подписокъ.

Безуспѣшное кровопролитіе въ Бостонѣ, стойкое сопротивленіе американцевъ, грозившее Англій потерю обширнаго рынка, боязнь ослабить и даже совершенно порвать всякую связь между Америкою и Англійей, всѣ эти причины, казалось, образумили британское правительство. Въ мартѣ 1770 года издано было постановленіе парламента объ отмѣнѣ всѣхъ пошлинъ съ товаровъ, ввозимыхъ изъ Англій въ Америку, за исключеніемъ налога на чай. Неполная уступка, вмѣсто при-

миренія, вызвала недовѣріе со стороны колонистовъ, въ слѣдствіе чего образовались союзы для защиты правъ америки. Борьба, затихшая въ 1771, вспыхнула съ новою силою въ 1772 году, когда англійское правительство, желавшее обезпечить точное исполненіе своихъ законовъ въ колоніяхъ, вздумало поставить тамошнихъ чиновниковъ, губернаторовъ, судей и другія должностныя лица, въ исключительную зависимость отъ короны.

Во все время этого долгаго кризиса Франклинъ не оставался безъ дѣла. Послѣ успѣшнаго содѣйствія къ отмѣнѣ гербовой пошрины, онъ былъ назначенъ агентомъ Массачузетта, Нью-Джерси и Георгіи. Стараясь всѣми силами примирить Великобританію съ Америкой, онъ постоянно объяснялъ одной ея собственные интересы, а другой ея законныя права. Онъ желалъ сохранить цѣлость британской имперіи, но былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы не видѣть крайней трудности этого дѣла. Онъ заблаговременно понялъ всю важность и все значеніе начавшейся распри. Онъ предвидѣлъ, что эта распря неизбѣжно поведетъ къ разрыву; что разрывъ повлечетъ за собою страшную войну; что война потребуетъ продолжительныхъ жертвъ; что для подобныхъ жертвъ народъ долженъ быть проникнутъ чувствами искренняго патріотизма и непоколебимой пре-

данности общему дѣлу; и наконецъ, что для возбужденія подобныхъ чувствъ въ американскомъ народѣ, нужно предварительно истощить всѣ средства къ примиренію и такимъ образомъ убѣдить его, что ему не остается ничего болѣе, какъ возстать и побѣдить.

Мнѣніе это было убѣжденіемъ всѣхъ передовыхъ людей Америки. Оно сдѣлалось руководящимъ правиломъ Франклина, запечатлѣло собою всѣ его дѣйствія: и отношенія его къ правительству метрополіи, и его совѣты соотечественникамъ. Чтобъ объяснить Англій ея ошибки и несправедливости, онъ написалъ нѣсколько статей, гдѣ между прочимъ необыкновенно ясно изложилъ права и привилегіи колоній. Въ одной изъ этихъ статей, отмѣченной эпиграфомъ: *Волны только тогда поднимаются, когда сътеръ дуетъ*, — онъ доказывалъ, что парламентъ, не допуская въ свою среду колоніяльныхъ депутатовъ, не имѣлъ никакого права облагать податями Америку, такъ точно, какъ не имѣлъ права налагать пошлины на Гаверъ. Чтобы еще болѣе обнаружить нелѣпость такого притязанія, онъ напечаталъ и пустилъ въ ходъ мнимый указъ прусскаго короля, повелѣвавшій взимать налогъ съ англичанъ, на томъ основаніи, что они потомки выходцевъ изъ прусскихъ владѣній. Не довольствуясь доказательства-

ми правъ колоній, онъ обратился къ интересамъ метрополи и въ одной брошюрѣ предупреждалъ Англию, что она упорствомъ въ притязаніяхъ можетъ навсегда лишиться своихъ американскихъ владѣній.

Къ сожалѣнію, благоразумные совѣты, смѣлыя предостереженія и пророческія угрозы Франклина не имѣли никакого вліянія на британское правительство. Англійскіе министры заподозрили дѣйствія Франклина, а король просто возненавидѣлъ его. На него посыпались обвиненія въ томъ, что будто бы онъ систематически возбуждаетъ сопротивленіе колоній и подстрекаетъ ихъ къ разрыву съ метрополіей. Министерство снова принялось за крутыя мѣры и, для прекращенія безпорядковъ, вознамѣрилось захватить въ свои руки всю судебную и административную часть въ Америкѣ. Дѣло началось съ Массачузетта. Англійскій парламентъ постановилъ, чтобы верховный судья этой провинціи, получавшій жалованье отъ колоній, состоялъ впредь на жалованьи у правительства. Законодательное собраніе, вздумавшее протестовать, было тотчасъ же распущено. Между тѣмъ губернаторъ Гѣтчинсонъ, секретарь Оливьеръ и нѣкоторые другіе измѣнники общему дѣлу, предложили англійскому правительству отмѣнить прежнее устройство Массачузетта и ввести въ этой

провинціи различныя стѣснительныя мѣры. Письма предателей случайно попались въ руки Франклина, который успѣшилъ отправить эти документы въ Массачузеттъ. Негодованіе колоніи достигло крайнихъ предѣловъ. Послѣ жаркихъ преній, законодательное собраніе, въ іюнѣ 1773 года, объявило, что провинція не имѣетъ довѣрія ни къ Гѣтчинсону, ни къ Оливьеру, и отправило къ королю настоятельную просьбу объ отозваніи обоихъ виновниковъ раздора между Великобританіей и Массачузеттомъ. Франклину было поручено формально обвинить ихъ, передъ тайнымъ совѣтомъ Англіи, во всѣхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ Бостонѣ.

Англійское министерство и король Георгъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ погубить въ общественномъ мнѣніи ненавистнаго имъ Франклина. Съ этою цѣлью они поручили генеральному прокурору Веддербѣрну защитить обвинителя. 29 января 1774 года происходило засѣданіе тайнаго совѣта, въ которомъ, сверхъ тридцати пяти лордовъ, собравшихся судить Франклина, присутствовало безчисленное множество слушателей. Предметъ уваженія всего образованнаго міра, Франклинъ нѣсколько часовъ сряду подвергался въ этомъ судилищѣ грубымъ сарказмамъ и возмутительной брани. Веддербѣрнъ на-

зывалъ его *воромъ* чужихъ писемъ, *заслуживающимъ позорнаго клейма*, ругалъ бостонское законодательное собраніе, всѣхъ массачузетцевъ и всю Америку и не разъ возбуждалъ радостный хохотъ благородныхъ лордовъ, одобрявшихъ дерзкія выходы декламатора. Франклинъ, сидѣвшій прямо противъ генеральнаго прокурора, слушалъ его очень спокойно, ни на минуту не утрачивая яснаго выраженія лица, и съ своей стороны говорилъ только о правѣ, законѣ, кротости. При каждомъ ругательствѣ, онъ молча указывалъ пальцемъ черезъ плечо въ знакъ того, что обида пролетала мимо. Наружное безстрастіе не измѣнило ему; но въ душѣ онъ былъ сильно оскорбленъ и, выходя изъ судилища, сказалъ одному изъ друзей своихъ: «Отличная рѣчь, за которую покущикъ ея еще не сполна заплатилъ; она, быть можетъ, обойдется ему дороже, чѣмъ онъ полагаетъ.» И дѣйствительно, Георгъ III вскорѣ заплатилъ за нее потерю Америки.

VIII.

Англійское правительство, надѣявшееся опорочить нравственную сторону Франклина, желало повредить и матеріальному его благосостоянію: оно отняло у него званіе почтъ-директора англо-американскихъ владѣній. Событія въ Америкѣ вскорѣ представили министерству благовидный предлогъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Пошлина на чай, какъ мы уже замѣтили, была оставлена парламентомъ въ силѣ. Не смотря на всѣ старанія мѣстныхъ губернаторовъ, ни одна колонія не соглашалась допустить у себя продажу чая остъ-индской компаніи. Въ Пенсильваніи жители протестовали противъ принятія шестисотъ, назначенныхъ для нея, ящиковъ, и ни одинъ гражданинъ Филадельфіи не хотѣлъ терпѣть въ своемъ домѣ или подвалѣ чайныхъ складовъ. Въ Нью-Йоркѣ не допустили выгрузки чая; въ Чарльзтаунѣ его положили въ сырые погреба, для того, чтобъ онъ скорѣе испортился; а въ Массачузеттѣ жители зашли еще дальше: открытою силою нарушили законъ и право собственности и тѣмъ дали возможность министрамъ оправдывать мѣры англійскаго парламента. Бостонскій городской магистратъ, призвавши капитановъ кораблей, взялъ съ нихъ обязательство

не выгружать привезеннаго ими чая. Уполномоченные остъ-индской компаніи протестовали, и губернаторъ, силою данной ему власти, приказалъ произвести выгрузку. Тогда нѣсколько бостонскихъ гражданъ, переодѣтыхъ индѣйцами, явились на корабли и весь грузъ чая, 342 ящика, бросили въ море.

Самоуправство бостонцевъ раздражило и ожесточило британское правительство, которое рѣшилось примѣрно наказать мятежную колонію, отнять у нея всѣ ея привилегіи и окончательно усмирить англо-американцевъ. Въ мартѣ 1774 года лордъ Нортъ, тогдашній глава министерства, внесъ въ парламентъ билли: 1, о блокадѣ Бостона; 2, о предоставленіи коронѣ права назначать губернаторскихъ совѣтниковъ, судей, различныхъ членовъ магистратуры, словомъ всѣхъ служащихъ въ Массачузеттѣ, съ запрещеніемъ законодательному собранію вмѣшиваться въ администрацію провинціи; 3, о предоставленіи королевскому правительству права судить внѣ колоніи, и даже въ Англіи, всякаго, кто во время народнаго возмущенія совершилъ бы убійство или иное уголовное преступленіе, и наконецъ 4, о военномъ постойѣ у гражданъ. Всѣ эти предложенія были утверждены парламентомъ. Четыре военныхъ корабля отправились блокировать Бостонъ, куда, на мѣсто Гётчинсона, назначенъ былъ губернато-

ромъ генераль Геджъ, уполномоченный ввести въ провинціи, съ помощью сопровождавшихъ его четырехъ полковъ, военное управленіе вмѣсто прежняго демократическаго.

Негодование противъ новыхъ мѣръ англійскаго парламента сдѣлалось общимъ въ Америкѣ. Бостонъ рѣшился храбро сопротивляться; остальные колоніи взялись дружески поддерживать его. Онѣ поняли, что Массачузеттъ долженъ сдѣлаться или могилою или калыбелю американской свободы. Воинственная Виргинія подала первый примѣръ. Ея законодательное собраніе, распущенное губернаторомъ за открытое выраженіе сочувствія къ бостонцамъ, торжественно объявило, что нарушеніе правъ одной колоніи равняется нарушенію правъ всѣхъ остальныхъ провинцій. Американцы снова заключили между собою тѣсный союзъ не только противъ ввоза въ колоніи англійскихъ, но и противъ вывоза въ метрополию американскихъ произведеній. Въ Массачузеттѣ всѣ должностныя лица, частью добровольно, а частью изъ страха, отказались отъ своихъ должностей. Надежда на правосудіе Англійи рушилась и замѣнилась убѣжденіемъ въ необходимости рѣшить споръ силою оружія. Между тѣмъ генераль Геджъ, получивши новыя подкрѣпленія, расположилъ свои войска вокругъ города и приказалъ укрѣпить косу, соединявшую Бостонъ съ твердою землею. Жители

провинціи сочли это за объявленіе войны и начали дѣятельно готовиться къ отпору: запаслись оружіемъ, формировали полки, приготавливали порохъ. Мужчины упражнялись въ манѣврахъ, женщины занимались отливкою пуль; даже дѣти принимали участіе въ военныхъ приготовленіяхъ.

За годъ передъ тѣмъ, Франклинъ написалъ своимъ соотечественникамъ: «Благоразуміе и полезіе всего для колоній было бы: созвать общій конгрессъ положительно провозгласить свои права, взаимно обязаться не давать Англій никакихъ субсидій, пока король и парламентъ не признаютъ означенныхъ правъ, и наконецъ, сообщить это рѣшеніе англійскому правительству. Я убѣжденъ, что подобный образъ дѣйствій вызвалъ бы рѣшительный кризисъ; и, согласилось ли бы правительство на наши требованія, или прибѣгнуло бы къ мѣрамъ строгости, чтобы принудить насъ отказаться отъ нашихъ правъ, — во всякомъ случаѣ мы достигли бы своей цѣли; ибо ненависть, всегда порождаемая несправедливостью способствовала бы намъ укрѣпиться, заставила бы насъ тѣснѣе сомкнуть нашъ союзъ, и вселенная отдала бы честь нашему образу дѣйствій.» Американцы не забыли этого совѣта и не замедлили привести его въ исполненіе: 5 сентября 1774 года общій конгрессъ депутатовъ всѣхъ колоній собрался въ Филадельфіи.

Конгрессъ этотъ состоялъ изъ пятидесяти пяти членовъ, людей талантливыхъ, опытныхъ, пользовавшихся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Тутъ были: Пейтонъ Рандольфъ, Георгъ Вашингтонъ, Патрикъ Генри, Джонъ Адамсъ, Ливингстонъ, Ротледжъ, Джонъ Джей, Ли, Миффлинъ, Диккинсонъ и другіе передовые люди Америки, стяжавшіе безсмертную славу защитниковъ американской независимости. Этотъ конгрессъ, члены котораго отличались замѣчательнымъ единодушіемъ убѣжденій и дѣйствию, рѣшилъ: помогать Бостону противъ англійскихъ войскъ, собирать въ пользу его контрибуціи и вообще всячески поощрять и поддерживать сопротивленіе Массачузетта притѣснительнымъ мѣрамъ британскаго парламента. Въ то же время онъ обнародовалъ знаменитое *объявленіе правъ* (declaration of rights) англо-американскихъ колоній, просьбу къ королю, адресъ къ великобританскому народу и воззваніе ко всѣмъ англійскимъ колоніямъ.

Уваженіемъ къ сану короля, сочувствіемъ къ единокровной націи, но въ то же время глубокимъ чувствомъ справедливости защищаемаго дѣла, твердою увѣренностью въ собственныхъ силахъ, достоинствомъ людей свободныхъ, дышали всѣ акты этихъ гордыхъ и энергическихъ американцевъ. «Да будетъ вамъ вѣдомо, — говорили представители колоній англійскому народу — что мы

считаемъ себя столь же свободными, какъ и вы; что никакая власть на землѣ не имѣетъ права брать у насъ наше добро безъ согласія нашего; что мы умѣемъ пользоваться всѣми благами, которыя британская конституція даруетъ тѣмъ, кто ей подчиняется, особенно безцѣннымъ благомъ суда присяжныхъ; что мы почитаемъ существовою принадлежностью англійской свободы тотъ законъ, по которому никто не можетъ быть осужденъ, не будучи предвратительно выслушанъ, и никто не можетъ быть казненъ, не получивши напередъ возможности защититься; что конституція, по нашему мнѣнію, вовсе не даетъ великобританскому парламенту полномочія учреждать, гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ, форму правленія деспотическаго. Всѣ эти права и множество другихъ, однократно подвергавшихся нарушенію, священны для насъ такъ же, какъ и для васъ.» Они заклинали англійскій народъ не допускать дальнѣйшихъ насилій въ колоніяхъ и назначить другой парламентъ, который бы содѣйствовалъ къ возобновленію мира и согласія между всѣми подданными британской короны, чего горячо желали всѣ истинные и честные американцы.

Въ просьбѣ къ королю они говорили, что мысль о какихъ бы то ни было нововведеніяхъ далека отъ нихъ; что они ограничились простымъ отверженіемъ тѣхъ новыхъ мѣръ, которыя парламентъ

хотѣлъ навязать имъ насильно, въ ущербъ ихъ интересамъ; что они не повинны ни въ какихъ обидахъ, если только не ставятъ имъ въ вину негодованія, возбужденнаго въ нихъ обидами, имъ причиненными. Они напоминали Георгу III, что предки его были призваны на англійскій престолъ для того, чтобъ защитить націю отъ деспотизма короля суевѣрнаго и жестокаго, что они не желаютъ лишиться драгоцѣнныхъ правъ англійскихъ гражданъ и подвергнуться бѣдствіямъ рабства, грозящаго имъ и потомкамъ ихъ. Къ этому они прибавляли: «мы полагаемъ, что рѣчь свободныхъ людей васъ нисколько не оскорбитъ. Мы, напротивъ, надѣемся, что она обратитъ всю тяжесть вашего королевскаго гнѣва на тѣхъ злыхъ и вредныхъ людей, которые, дерзновенно ставши между вашей королевскою особою и вѣрными подданными вашими, занимаются уже нѣсколько лѣтъ разрушеніемъ связей, соединяющихъ различныя части вашей имперіи, злоупотребляютъ вашею властью, клеветуютъ на американскихъ подданныхъ вашихъ и, стремясь къ осуществленію отчаяннѣйшихъ и преступнѣйшихъ плановъ насилія, наконецъ доводятъ насъ, множествомъ жестокихъ и превосходящихъ всякое терпѣніе обидъ, до необходимости тревожить нашими жалобами спокойствіе вашего величества.»

Всѣ эти документы были отправлены къ Франклину. Дальновидный агентъ Америки, подобно Вашингтону и многимъ другимъ членамъ конгресса, ни мало не вѣрилъ въ возможность примиренія съ Англіею. Тѣмъ не менѣе, исполняя долгъ свой до конца, онъ продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ будто еще не утратилъ надежды. Въ концѣ ноября 1774 года собрался новый парламентъ. Министерство частнымъ образомъ спросило Франклина, на какихъ условіяхъ согласны колоніи покориться, и получило въ отвѣтъ записку, состоящую изъ семнадцати пунктовъ. Главнѣйшими статьями этой записки были: уничтоженіе пошлины на чай, при чемъ бостонцы обязывались заплатить за ящики, брошенные въ море; пересмотръ законовъ о судоходствѣ и отмѣна мѣръ, стѣснявшихъ мануфактурное производство колоній; отреченіе, со стороны англійскаго парламента, отъ права вводить законы и новые пошлины въ колоніяхъ; дарованіе американцамъ права самимъ облагать себя, во время войны, налогами, величина которыхъ сообразовалась бы съ величиною податей, платимыхъ Англіею, которой, въ мирное время, предоставлялась монополія колоніальной торговли; прекращеніе посылки англійскихъ войскъ на американскую территорію безъ согласія провинціальныхъ законодательныхъ собраній; производство

этими собраніями жалованья губернаторамъ и судьямъ, назначаемымъ королемъ, и отмѣна мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время противъ Массачузетта.

Условія эти вѣтвили рѣшительный отказъ со стороны министра колоній, лорда Дартмаута, и главы министерства, лорда Порта. Не посчастливилось и просьбѣ конгресса къ королю, отвѣтившему на нее презрительнымъ молчаніемъ. Адресъ къ великобританскому народу не образумилъ новаго парламента, въ которомъ большинство членовъ, увлекаясь безразсудною политикою министерства, открыто возставало противъ всякихъ уступокъ и настойчиво требовало усмиренія колоній силою оружія.

Впрочемъ, раздавались въ парламентѣ голоса и въ пользу колоній. Вильксъ и Бёркъ въ палатѣ депутатовъ, лордъ Чатамъ въ палатѣ лордовъ, явились защитниками американцевъ. Великій Питтъ (лордъ Чатамъ), такъ сильно содѣйствовавшій возвеличенію Англіи, предугадалъ будущее отпаденіе колоній, скорбѣлъ о немъ, всячески старался отворотить это событіе. Франклинъ, посѣтившій его въ его помѣстьи и самъ удостоившійся его посѣщенія въ Лондонѣ, сообщилъ ему точныя свѣдѣнія о состояніи англо-американскихъ владѣній, о сущности притязаній американцевъ и объ

условіяхъ ихъ повиновенія Англіи. Питтъ вполнѣ одобрилъ энергически-сдержанную просьбу колоній, поданную королю, и замѣтилъ Франклину: «Конгрессъ, собравшійся въ Филадельфію, дѣйствовалъ такъ покойно, умно и умѣренно, что, по моему, тщетно было бы искать болѣе почтеннаго собранія государственныхъ мужей, начиная съ самыхъ цвѣтущихъ временъ Греціи и Рима.»

Въ тотъ день, когда парламентъ долженъ былъ приступить къ рѣшенію американскаго вопроса, лордъ Чатамъ, не смотря на свои преклонныя лѣта и нездоровье, лично явился въ палату лордовъ, чтобъ воспрепятствовать, если можно, войнѣ между метрополіей и колоніями. Онъ привелъ съ собою Франклина, по совѣту котораго потребовалъ отозванія англійскихъ войскъ изъ Бостона: эта мѣра долженствовала быть первымъ шагомъ на пути желаемаго примиренія. Питтъ говорилъ свою рѣчь со всею силою убѣжденія, но безъ всякой пользы: предложеніе его было отвергнуто. Франклинъ вышелъ изъ засѣданія проникнутый энтузіазмомъ къ благородному патріотизму, обширному уму, патетическому слову могучаго оратора, и тотчасъ написалъ къ лорду Стангопу, другу Чатама: «Докторъ Франклинъ исполненъ удивленія къ этому человѣку, истинно великому. Онъ часто встрѣчалъ въ жизни своей краснорѣчіе безъ мудрости и му-

дрость безъ краснорѣчія; но здѣсь онъ нашелъ и то и другое вмѣстѣ.»

Спустя нѣсколько дней, 2 февраля 1775 года, лордъ Чатамъ, не потерявши бодрости отъ первой неудачи, представилъ парламенту новый планъ примиренія, довольно сходный съ идеями Франклина. Послѣдній снова присутствовалъ въ засѣданіи палаты лордовъ, гдѣ Чатамъ искусно развилъ свой проэктъ скрѣпленія узъ, готовыхъ навсегда порваться. Питту отвѣчалъ лордъ Сандвичъ и отвѣчалъ чрезвычайно дерзко. Возражая защитнику американцевъ, онъ не поколебался напасть и на агента колоній, котораго замѣтилъ въ собраніи. Онъ потребовалъ, чтобы парламентъ оставилъ безъ вниманія и немедленно отвергнулъ бы проэктъ, казавшійся ему дѣломъ не лорда англійскаго, а какого-нибудь американца. Обратившись затѣмъ къ Франклину, который стоялъ, облокотившись на перила, онъ прибавилъ, глядя ему прямо въ лицо: «Мнѣ кажется, передо мною стоитъ настоящій авторъ этого прэкта, одинъ изъ самыхъ жестокихъ и закоренѣлыхъ враговъ, какихъ когда либо имѣла Англія.»

При этой неожиданной выходкѣ, взоры всѣхъ присутствовавшихъ обратились на Франклина; но онъ не смутился нисколько. Лицо его хранило обычное спокойствіе, взглядъ оставался яснымъ;

можно было подумать, что выходка лорда Сандвича вовсе на къ нему относилась. Но онъ не могъ преодолѣть внутренняго потрясенія, когда лордъ Чатамъ принялся громить оскорбительное мнѣніе, высказанное лордомъ Сандвичемъ. « Я, сказалъ Питтъ съ благородною гордостью, я единственный авторъ плана, представленнаго парламенту. Считаю себя обязаннымъ объявить это, тѣмъ болѣе, что ваши лордства, кажется, не придаете моему плану никакого значенія: если онъ слабъ и негоденъ, то на мнѣ лежитъ долгъ не допускать, чтобы кого нибудь подозрѣвали моимъ соучастникомъ въ составленіи этого плана. Меня, кажется, до сихъ поръ нельзя было упрекнуть въ слѣдованіи чужимъ свѣтамъ и постороннимъ внушеніямъ. Но я не колеблюсь объявить, что, будь я въ этой странѣ первымъ министромъ, я не постыдился бы открыто пригласить въ помощники къ себѣ человѣка, знающаго дѣла Америки такъ, какъ знаетъ ихъ та особа, на которую сдѣланъ оскорбительный намекъ; человѣка, котораго вся Европа высоко цѣнитъ за его умъ и знанія, котораго она ставитъ на ряду съ нашими Бойлями и Ньютонами, и который дѣлаетъ честь собою не только англійской націи, но всему человѣческому роду. »

И вторичная попытка лорда Чатама осталась безъ успѣха: большинство членовъ парламента, какъ мы уже сказали, было на сторонѣ близору-

каго министерства. Жители Массачутетта были объявлены бунтовщиками; генералу Геджу отдано было повелѣніе примѣрно наказать и усмирить ихъ, для чего и были посланы къ нему новыя подкрѣпленія. Франклинъ понялъ, что начавшаяся война кончится или порабощеніемъ, или независимостью американскихъ колоній. Дальнѣйшее пребываніе его въ Англіи сдѣлалось бесполезно для американцевъ и не безопасно для него самого. Ему дали знать, что правительство помышляетъ арестовать его, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы онъ возбудилъ мятежъ въ колоніяхъ. Медлить было нечего. Франклинъ принялъ свои мѣры противъ министерскаго замысла, и въ тайнѣ приготовился къ отплытію въ Америку. Чтобъ отвести глаза своимъ врагамъ, онъ въ самый день отъѣзда изъ Англіи назначилъ нѣсколько политическихъ свиданій вечеромъ. Министерство такъ было увѣрено въ возможности схватить его во всякое время, что не торопилось арестомъ. Франклинъ былъ уже въ открытомъ морѣ, далеко отъ береговъ Англіи, а враги его все еще полагали, что онъ у нихъ подъ рукою, въ Лондонѣ.

IX.

Отправившись изъ Англіи 22 марта 1775 года, Франклинъ черезъ шесть недѣль прибылъ въ Америку и вышелъ на берегъ у делаварскаго мыса. Соотечественники, послѣ одиннадцати лѣтъ разлуки съ нимъ, встрѣтили его теплыми выраженіями сердечной признательности и всеобщаго уваженія. На другой же день по прибытіи его въ Филадельфію, пенсильванское законодательное собраніе единогласно назначило его членомъ второго конгресса, собравшагося 10 мая въ столицѣ Пенсильваніи. Война вспыхнула еще до созванія конгресса. 19 апрѣля 1775 года произошли при Лексингтонѣ и Конкордѣ первыя кровопролитныя стычки американцевъ съ англійскими отрядами. Неопытные милиціонеры дрались такъ храбро, что регулярныя войска англичанъ принуждены были поспѣшно отсупить къ Бостону.

Битва при Лексингтонѣ и Конкордѣ раздражила Америку въ высшей степени. Конгрессъ единодушно рѣшилъ привести колоніи въ оборонительное состояніе и единодушно же избралъ генерала Вашингтона главнокомандующимъ сухопутными войсками. Замѣчательный фактъ это согласіе! Отсутствіе зависти въ сердцахъ и разногласіи въ мнѣніяхъ членовъ конгресса ясно показываетъ,

какъ безкорыстно были преданы эти люди интересамъ своей родины.

Франклинъ, на которомъ лежали тогда чрезвычайныя и важныя обязанности, посвящалъ все свое время общественному дѣлу. Членъ пенсильванскаго собранія и членъ общаго конгресса, онъ долженъ былъ заботиться и о пользахъ своей колоніи, и объ интересахъ всей Америки. Каждый день, съ шести часовъ утра, онъ отправлялся въ комитетъ общественной безопасности, которому было поручено изысканіе мѣръ къ защитѣ Пенсильваніи, и оставался тамъ до девяти. Оттуда отправлялся онъ на конгрессъ, засѣданія котораго ежедневно продолжались до четырехъ часовъ по полудни. «Величайшее единодушіе — писалъ Франклинъ одному изъ своихъ лондонскихъ друзей — царить въ обоихъ этихъ собраніяхъ, и всѣ члены весьма точно исполняютъ свои обязанности. Въ Англіи едва ли повѣрятъ, что любовь къ общественному благу внушаетъ здѣсь такое же усердіе, какое у васъ рождаютъ мѣста съ жалованьемъ въ нѣсколько тысячъ фунтовъ.»

Черезъ два дня послѣ назначенія Вашингтона главнокомандующимъ и незадолго до прибытія его въ кембриджскій лагерь, генералъ Геджъ атаковалъ американскія войска, съ цѣлью занять возвышеніе, господствующее надъ Бостономъ и называемое Бѣнкерсгиллемъ. Попытка его только

отчасти увѣнчалась успѣхомъ, и то незначительнымъ. Сраженіе при Бѣнкерсгиллѣ было единственною удачею генерала Геджа. Съ тѣхъ поръ неусыпный Вашингтонъ совершенно отрѣзалъ ему всякое сообщеніе съ материкомъ. Англійское министерство вскорѣ отозвало Геджа и прислало на его мѣсто съ значительными силами генерала Гоу. Около этого времени, Франклинъ, не перестававшій повторять, что «Великобританія утратила навсегда свои колоніи», весьма оригинально и не безъ разсчета писалъ слѣдующее въ Англію къ одному изъ знакомыхъ своихъ, который, по видимому, сомнѣвался въ постоянствѣ и въ успѣхѣхъ *Янки* (*): «Великобританія убила въ эту войну полтора ста *янки*, истративши три милліона, что составляетъ по двадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ на человека; а на Бѣнкерсгиллѣ она приобрѣла всего какую нибудь милію земли, да и той половину мы у нея отняли, занявши обработанную часть горы. Въ то же самое время у насъ въ Америкѣ родилось шестьдесятъ тысячъ дѣтей. По этимъ даннымъ математической головѣ легко вычислить, какія нужны издержки, и сколько требуется времени для того, чтобы всѣхъ насъ перебить и завоевать наши владѣнія.

Англія не хотѣла понять значенія этой борьбы. Она не догадалась, что для американцевъ сопро-

(*) Такъ англичане называли въ насмѣшку англо-американцевъ.

тивляться метрополи было гораздо важнѣе, нежели для нея покорить колоніи, и не предвидѣла, что они въ этой войнѣ обнаружатъ такую же несокрушимую энергію, какую выказали ихъ предки въ борьбѣ за свободу религіозную. вмѣсто того, чтобъ склониться на послѣднюю просьбу колоній, изъявившихъ желаніе помириться, если мѣры, противныя ихъ привилегіямъ, будутъ отмѣнены, британскій парламентъ призналъ ихъ государственными преступниками, людьми стоящими внѣ закона. На это объявленіе вражды, колоніямъ уже нельзя было отвѣчать иначе, какъ объявленіемъ независимости отъ Англій.

И дѣйствительно, конгрессъ, по представленію комиссіи, состоявшей изъ Веньямина Франклина, Томаса Джефферсона, Джона Адамса, Роджерса Шермана и Филиппа Ливингстона, провозгласилъ, 4 іюня 1776 года, свободу и независимость тринадцати колоній, подъ именемъ *Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки*. Манифестъ о независимости, составленный подъ редакцію виргинскаго адвоката Джефферсона, отличался возвышенными идеями и мужественнымъ языкомъ, вполне достойными величія самага дѣла. Вотъ какъ выражались благородные представители амераканской націи:

«Мы полагаемъ — и эта истина очевидна сама собою, что всѣ люди надѣлены отъ Создателя извѣстными неотъемлемыми правами; что къ числу

этихъ правъ относятся жизнь и стремленіе къ благосостоянію ; что обезпечиваютъ эти права правительства. Благоразуміе совѣтуетъ не мѣнять легкомысленно , изъ-за причинъ преходящихъ , установленія искони учрежденныя. И дѣйствительно, опытъ показалъ, что люди болѣе расположены терпѣть, когда ихъ страданія не превосходятъ терпѣнія, нежели употреблять свои права къ уничтоженію тѣхъ учрежденій, съ которыми они свыклись. Таково было до сихъ поръ терпѣніе американскихъ колоній, и такова теперь необходимость, заставляющая ихъ измѣнить основы государственнаго устройства.»

Исчисливши притѣсненія Англіи, изложивши всѣ тщетныя попытки колоній примириться съ метрополіею , они заключали свой манифестъ слѣдующими словами: «Мы, представители Соединенныхъ Штатовъ Америки, собравшіеся въ общемъ конгрессѣ, призывая Верховнаго Судію во свидѣтели чистоты нашихъ намѣреній, провозглашаемъ и объявляемъ, что соединенныя колоніи должны быть штатами независимыми; какъ свободные и независимые штаты, онѣ въ правѣ вести войну, заключать миръ, вступать въ союзы, заключать торговые трактаты и вообще совершать всѣ акты, свойственные государствамъ самостоятельнымъ. Съ упованіемъ и вѣрою въ заступничество благаго Промысла, обязываемся взаимно,

другъ передъ другомъ, поддерживать всѣми силами принятое нами рѣшеніе, жертвуя для того жизнью, имуществомъ и честью.»

Колоніи приняли манифестъ съ восторгомъ и рѣшились энергически защищать свою независимость. Конгрессъ сдѣлался общимъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Ему предоставлено было право вести войну, заключать миръ и союзы съ иностранными державами, учинять займы, выпускать бумажныя деньги, набирать войска, назначать генераловъ и посланниковъ, словомъ, принимать мѣры, имѣвшія общій интересъ для всѣхъ тринадцати колоній. Отдѣльные штаты удержали за собою право самостоятельной администраціи и законодательной власти. Конгрессъ предложилъ имъ самимъ заняться внутренней своей организаціей, для чего и были назначены въ каждомъ штатѣ особыя собранія, подъ именемъ *конвентовъ*.

Конвентъ Пенсильваніи избралъ свимъ президентомъ Франклина, который тотчасъ приступилъ къ составленію мѣстной конституціи. Политическое устройство, предложенное имъ и принятое Пенсильваніей, отличалось такою же простотою и смѣлостью основныхъ идей, какими отличались всѣ практическія дѣйствія и научныя занятія филадельфійскаго мудреца. Франклинъ въ конституціи своей совершенно отступилъ и отъ теорій

и отъ обычаевъ англійскихъ. Онъ измѣнилъ даже форму двухъ главныхъ правительственныхъ пружинъ: предложилъ и ввелъ въ Пенсильваніи единство законодательной власти и раздѣленіе власти исполнительной.

Такимъ образомъ пенсильванскія учрежденія были прямо противоположны конституціи англійской; ибо въ Англии законодательная власть раздѣлена между верхнимъ и нижнимъ парламентами, а власть исполнительная сосредоточена въ лицѣ перваго министра: отсюда, съ одной стороны, медленность и зрѣлость въ обсужденіи, а съ другой, быстрота и точность въ исполненіи англійскихъ законовъ. Теорія Франклина, осованная на другихъ началахъ, оказалась на практикѣ неудобоприложимой и потому была въ послѣдствіи измѣнена по образцу англійской конституціи.

Вскорѣ послѣ изданія манифеста о независимости, у восточныхъ береговъ Америки появился англійскій флотъ, подъ командою лорда Гоу, которому было поручено, прежде начатія военныхъ дѣйствій, сообщить колоніямъ «мирныя предложенія» британскаго правительства. Въ то же время, братъ адмирала, генералъ Гоу, смѣнившій Геджа въ званіи начальника сухопутныхъ войскъ, получилъ сильныя подкрѣпленія, состоявшія преимущественно изъ нѣмецкихъ наемниковъ.

Мирныя предложенія Англіи состояли въ приглашеніи колоній покориться и тѣмъ заслужить прощеніе метрополи. Лордъ Гоу, не съѣзжавшій съ адмиральскаго корабля, прислалъ Франклину письмо, въ которомъ заключалась просьба о содѣйствіи успѣшному исполненію возложеннаго на адмирала порученія. Франклинъ отвѣчалъ ему: «Предлагать прощеніе колоніямъ, то-есть сторонѣ обиженной, значитъ прямо выражать то мнѣніе, которое вашей заблуждающейся и надменной націи угодно было составить себѣ о нашемъ невѣжествѣ, нашей низости и нечувствительности. Поступокъ этотъ не можетъ имѣть иного дѣйствія, кромѣ того, что раздражитъ насъ пуще прежняго. Намъ невозможно думать о подчиненіи себя людямъ, которые съ легкомысленнымъ варварствомъ и жестокостью жгли, среди зимы, наши беззащитные города, подстрекали дикихъ умерщвлять мирныхъ фермеровъ, а рабамъ совѣтовали убивать господъ; которые и теперь посылаютъ иностранныхъ наемниковъ для орошенія нашихъ колоній нашею же кровью. Эти жестокія обиды погасили въ насъ и послѣднюю искру привязанности къ родственной намъ странѣ, которая нѣкогда была такъ дорога для насъ.»

Конгрессъ, получивши отъ лорда Гоу «мирныя предложенія», назначилъ для переговоровъ съ нимъ

Франклина, Адамса и Рётледжа, которые сошлись съ адмираломъ на Стетенъ-Айландѣ (Островѣ Штатовъ), лежащемъ противъ Амбоя. Англійскій уполномоченный, предлагая колоніямъ покориться, обѣщаль въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, отъ имени правительства, новый пересмотръ актовъ, составлявшихъ главную причину жалобъ колонистовъ. На это американскіе комиссары отвѣчали, что Англии нечего ждать отъ колоній прежняго повиновенія; что колоніи, показавши непримѣрное терпѣніе, рѣшились наконецъ свергнуть съ себя тяжелое иго; что манифестъ о независимости принятъ всѣми колоніями, и потому конгрессъ уже уничтожить не можетъ его; и наконецъ, что Великобританія должна теперь относиться къ нимъ такъ, какъ относится она къ прочимъ независимымъ народамъ. Конгрессъ, одобривши тонъ и поведеніе комиссіи, утвердилъ сухой и рѣшительный отвѣтъ ея англійскому уполномоченному, и 17 сентября 1776 года обнародовалъ донесеніе, представленное комиссарами. Теперь американцамъ предстояло показать такую же рѣшимость на полѣ битвы и побѣдою освятить провозглашенную ими независимость.

Начало войны было неудачно для нихъ. Они пытались сначала сдѣлать отважную диверсію и съ этою цѣлью предприняли походъ противъ Ка-

нады, завоеваніе которой обезпечило бы сѣверную границу Штатовъ и лишило бы Англію главной точки ея опоры на материкѣ. Генералу Монтгомери поручено было напасть на Канаду со стороны Монреаля, а полковнику Арнольдѣ — со стороны Квебека. Монтгомери, овладѣвши Монреалемъ, двинулся форсированнымъ маршемъ впередъ, осадилъ Квебекъ и готовился взять его приступомъ; но, пораженный англійскою картечью, палъ во время самаго штурма. Полковникъ Арнольдъ, испытавшій на пути невѣроятныя трудности и безчисленныя опасности, не успѣлъ во время къ штурму и не имѣлъ средствъ окончить смѣлое предпріятіе Монтгомери. Вскорѣ англійскія войска значительно усилились въ Канадѣ, и американцы принуждены были очистить эту страну навсегда.

Несчастье преслѣдовало инсургентовъ: даже защита собственной ихъ территоріи сопровождалась огромными неудачами. Англичане, которымъ пришлось имѣть дѣло уже не съ одной только, а со всѣми тринадцатью колоніями, измѣнили свой планъ военныхъ дѣйствій. Оставаться въ Бостонѣ, заливъ котораго былъ слишкомъ обращенъ къ одной изъ оконечностей возмущившейся Америки, было для нихъ неудобно, и потому они рѣшились занять другую позицію, болѣе выгодную. Рѣка Гудзонъ, при устьѣ которой лежитъ Нью-Йоркъ

представляла собою, въ связи съ озеромъ Чам-пленомъ и рѣкою Сорелемъ, превосходной путь внутренняго сообщенія съ Канадою; притомъ же теченіе Гудзона дѣлило почти пополамъ весь сѣверовосточный уголъ американскихъ штатовъ. Владѣніе этою линією было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно для англичанъ: оно давало имъ возможность управлять изъ Нью-Йорка, какъ изъ центра, военными дѣйствіями на всемъ протяженіи возмущившихся колоній и, смотря по надобности, нападать то на провинціи лѣваго, то на провинціи праваго берега рѣки. Поэтому англичане рѣшились завладѣть Нью-Йоркомъ и устроить тамъ главную квартиру.

Они очистили Бостонъ весною 1776 года. Ихъ армія состояла тогда изъ 11.000 человекъ; но лѣтомъ того же года прибыли къ нимъ подкрѣпленія изъ Европы, изъ Флориды и съ Антильскихъ острововъ, такъ что у генерала Гоу было отъ 24 до 30.000 опытныхъ солдатъ, когда онъ задумалъ произвести нападеніе на Лонгъ-Айландъ (Длинный Островъ), лежащій противъ Нью-Йорка. Вашингтонъ, предугадывая намѣреніе англичанъ, оставилъ кембриджскій лагерь и расположился съ 13.000 милиціонеровъ въ той мѣстности, которой грозила опасность; но силы его, сравнительно съ непріятельскими, были слишкомъ не-

равны для того, чтобъ защита Нью-Йорка могла быть успѣшной.

Англичане высадились въ Лонгъ-Айландѣ, разбили американцевъ, потерявшихъ въ сраженіи около 2.000 человекъ, потомъ перешли на материкъ, заняли оставленный инсургентами Нью-Йоркъ, поднялись вверхъ по Гудзону и овладѣли фортами Вашингтонемъ и Ли, расположенными одинъ противъ другого на обѣихъ берегахъ и господствовавшими надъ всѣмъ теченіемъ этой рѣки. Вслѣдъ за тѣмъ побѣдители заняли и сосѣднюю провинцію Нью-Джерси, куда отступилъ Вашингтонъ съ слабыми остатками своей арміи. Удержавши подъ своимъ начальствомъ только 4.000 милиціонеровъ, онъ расположился было въ Трентонѣ, на рѣкѣ Делаварѣ; но англичане вскорѣ принудили его покинуть и эту послѣднюю позицію американцевъ въ Нью-Джерси. Тогда Вашингтонъ перешелъ Делаваръ, съ цѣлью прикрыть мѣстопребываніе конгресса, Филадельфію, куда съ минуты на минуту должна была двинуться побѣдоносная армія англичанъ.

Положеніе инсургентовъ было отчаянное. Америка имѣла искуснаго генерала, но не имѣла регулярнаго войска. Вашингтонъ, начальствуя храбрыми, но дурно организованными, непривычными къ дисциплинѣ, милиціонерами, терпя не-

достатокъ въ оружіи, боевыхъ припасахъ, провіантѣ и даже въ одеждѣ для солдатъ, не имѣлъ возможности успѣшно вести борьбу съ регулярными, строго дисциплинированными и снабженными всѣмъ необходимымъ войсками. Положеніе конгресса было не лучше; верховная власть его, слабая и слишкомъ ограниченная, не соотвѣтствовала потребностямъ времени. Конгрессъ не могъ ни издавать законовъ, обязательныхъ для каждаго штата, ни вербовать солдатъ внутри отдѣльныхъ провинцій, ни взимать налоговъ. Всѣ эти права принадлежали самимъ штатамъ, пользовавшимся въ этомъ отношеніи совершенною независимостью. Даже такія мѣры, на которыя конгрессъ имѣлъ полное право, встрѣчали, со стороны отдѣльныхъ штатовъ, сильное противодѣйствіе: бумажныя деньги, выпущенныя конгрессомъ на сумму 24 милліоновъ долларовъ (около 30 милліоновъ рублей), весьма неохотно принимались въ штатахъ и вскорѣ совсѣмъ утратили свою цѣнность. Отсутствие внутренняго кредита, разстройство военныхъ силъ, успѣхи англійскаго оружія и происки сторонниковъ метрополіи, грозили дѣлу американской независимости неизбѣжной гибелью. Единственнымъ выходомъ изъ такого критическаго положенія было заключеніе внѣшнихъ займовъ и союзовъ съ иностранными державами. Старинная ненависть

Французовъ къ англичанамъ обратила вниманіе конгресса прежде всего на Францію. Осенью 1776 года рѣшено было отправить въ Парижъ уполномоченнаго для открытыхъ переговоровъ съ тамошнимъ правительствомъ. Выборъ палъ на семидесятилѣтняго Франклина.

(Окончаніе въ слѣдующ. №.)

ЛИСИЦА.

Кто не знаетъ лисицы? Кто не видалъ ея хоть на картинкахъ, а ея мѣха на солопахъ? Кто не слыхалъ про ея умъ и хитрость? Народныя сказки и басни наполнены разсказами о качествахъ лисицы: тамъ выставляется ея умъ, предусмотрительность, расчетливость, находчивость, терпѣливость, рѣшительность, быстрота въ исполненіи — искусство скакать, ползать, плавать, подкрадываться, подстергать, — качества, которыми она дѣйствительно обладаетъ и которыя дѣлаютъ ее совершеннѣйшимъ воромъ.

Лисица очень похожа на собаку; но тѣло ея граціознѣе, гибче, голова больше, морда острѣе, уши короче, глаза меньше и косѣе, хвостъ длиннѣе, шерсть гуще и пушистѣе, чѣмъ у собаки. Длинною лисица, безъ хвоста, около аршина, а съ хвостомъ до $1\frac{1}{2}$ арш., высоту около фута; цвѣтъ ея рыжій, съ лоскомъ, на спинѣ темнѣе, иногда съ черноватымъ оттѣнкомъ, на брюшкѣ свѣтлѣе; впрочемъ цвѣтъ лисицы бываетъ весьма

разнообразенъ, и по различнымъ оттѣнкамъ отличаются нѣсколько видоизмѣненій лисицъ, какъ-то: огненная или красная лисица — красноватаго цвѣта съ чернымъ горломъ, желтая лисица, мускусная лисица, солнечная лисица, крестовка — бѣложелтаго цвѣта съ черными волосами на хребтѣ и плечахъ; весьма рѣдко между этими животными встрѣчаются альбиносы, т. е. бѣлыя или серебристыя лисицы.

Чувства у лисицы хорошо развиты, голосъ тоньше, чѣмъ у собаки: лисица ворчитъ, лаетъ и кричитъ протяжнымъ, печальнымъ крикомъ, похожимъ на крикъ павлина. Голосъ ея измѣняется смотря по обстоятельствамъ: на охотѣ за добычей она кричитъ иначе, нежели при изъявленіи ласки; гнѣвъ и печаль опять выражаются инымъ голосомъ; отъ боли она кричитъ только тогда, когда получить тяжелую рану. Ея ворчанье состоитъ изъ однообразныхъ звуковъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, и въ концѣ его она обыкновенно усиливаетъ голосъ и испускаетъ вопль похожій на крикъ павлина. Она кричитъ только зимою лѣтомъ же обыкновенно молчитъ. Мясо лисицы не вкусно: оно отзывается неприятнымъ мускуснымъ запахомъ, который еще сильнѣе въ жирной жидкости, выдѣляющейся въ желѣзкѣ, лежащей на нижней сторонѣ хвоста, недалеко отъ его корня. Для того, чтобы сдѣлать это мясо снѣдомымъ, его вымачиваютъ въ водѣ. Извѣстно,

что Римляне откармливали лисицъ виноградомъ и очень любили изъ нихъ жаркое. Жиръ лисицы въ Германіи считается средствомъ, заживляющимъ раны, и продается по талеру за фунтъ. Иногда съ одной лисицы можно получить до трехъ фунтовъ жиру.

Лисица живетъ въ сѣверныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, какъ въ гористыхъ мѣстахъ, такъ и на равнинахъ. Не смотря на большую охоту за ней, она не переводится: весь образъ ея жизни и въ особенности ея удивительная хитрость спасаютъ ее отъ совершеннаго истребленія. Она устраиваетъ себѣ жилища весьма предусмотрительно; но сама себѣ не роетъ норы, такая однообразная и утомительная работа не по ней: она слишкомъ умна и поэтична, что бы занаматься ею. Обыкновенно прилежный иппохондрикъ — барсукъ уступаетъ ей свое жилище. Извѣстно, что для изгнанія щетинистаго добряка-педанта изъ его уютной норы, она пускаетъ въ ходъ самую низкую военную хитрость, именно: отравляетъ его жилище удушливыми міазмами и барсукъ, одаренный сильнымъ чутьемъ, несмотря на все нежеланіе, долженъ оставить свою удобную нору. Съ хрюканьемъ и шипѣньемъ убѣгаетъ онъ оттуда и лисица, подкарауливающая эту минуту, тотчасъ завладѣваетъ его домомъ. Но рѣдко она довольствуется одною порою: обыкновенно имѣетъ ихъ

двѣ и три и живетъ неперемѣнно въ каждой. Когда она замѣтитъ, что которая нибудь изъ ея норъ обойдена охотниками, она оставляетъ ее и переселяется въ другую, унося ночью своихъ малютокъ, если они случатся. Во время преслѣдованія, она бѣжитъ всегда къ своему жилищу или къ жилищу своей подруги, но не прямо, а обходомъ, чтобы обмануть охотниковъ. Въ крайнемъ случаѣ, когда собаки нагоняютъ ее, она прячется въ запасныя норы, сдѣланныя нарочно для этой цѣли.

Лисьи норы устроены съ большимъ искусствомъ; онѣ раздѣлены на три главныя части: первое отдѣленіе находится близъ входа. Здѣсь самка, передъ выходомъ изъ норы, останавливается и осматриваетъ окрестности, нѣтъ ли гдѣ какой опасности, или, если другіе выходы изъ норы заложены, не лъзя-ли проскользнуть мимо охотниковъ или мимо западни, которую ставятъ въ этомъ выходѣ. Далѣе слѣдуетъ второе отдѣленіе, гдѣ сохраняются запасы: дичь, куры и пр., здѣсь же раздаются кормъ малюткамъ и поѣдаются запасы. Это отдѣленіе имѣетъ обыкновенно два выхода, а иногда и болѣе. Наконецъ третье отдѣленіе, находящееся на самомъ днѣ норы, есть *котловина*, спальня, гдѣ спитъ лисица, приносить дѣтей и выкармливаетъ ихъ. Впрочемъ, въ такой норѣ лисица живетъ только во время выкармливанія малютокъ. Въ другое же время она проводитъ день въ запасной

норѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ хочетъ стянуть что нибудь. Спитъ она, свернувшись кольцомъ и очень крѣпко, такъ—что можно подойти къ ней, не разбудивъ ея; но если она отдыхаетъ только, то вытягиваетъ ноги взадъ и впередъ и лежитъ на брюхѣ: лежа въ такомъ положеніи вдоль заборовъ, въ кустахъ и тому подобныхъ мѣстностяхъ, она высматриваетъ птицъ, которыя, замѣтивъ ее, начинаютъ кричать особеннымъ образомъ и предостерегаютъ другъ друга; особенно сойки и дрозды поднимаютъ сильный крикъ, когда завидятъ ее, и провожаютъ ее этимъ крикомъ шаговъ на двѣсти или на триста. Лисица выходитъ на ловлю въ сумерки или даже ночью, и ловитъ зайцевъ, молодыхъ тетеревей, куропатокъ, рябчиковъ, а за неимѣніемъ ихъ, мелкихъ пташекъ: жаворонковъ, крапивниковъ и проч., также мышей, змѣй, ящерицъ, лягушекъ и даже кузнечиковъ и червей; не пренебрегаетъ и плодами, особенно любить виноградъ; очень искусно пролезаетъ въ курятники, гдѣ умерщвляетъ всю домашнюю птицу; потомъ поодиночкѣ выноситъ ее и зарываетъ въ различныя мѣста, которыя она не забываетъ, потому что одарена удивительною памятью и чувствомъ узнавать мѣстность. Гдѣ много зайцевъ, лисицы соединяются по двѣ для ихъ ловли: одна прячется на опушкѣ лѣса и остается неподвижною, а другая отправляется искать зайца и найдя, гонитъ его къ

своему товарищу, которому даетъ знать о своемъ приближеніи отрывистымъ лаемъ. Послѣдній, за-видѣвъ зайца, даетъ ему приблизиться къ себѣ, бросается на него и ловить; въ это время прибѣгаетъ его товарищъ и они вмѣстѣ ѣдятъ добычу. Если же сидѣвшей въ засадѣ не удастся поймать зайца, то она остается на нѣсколько мгновеній неподвижною отъ неудачи, потомъ, какъ-бы желая отдать себѣ отчетъ о случившемся, возвращается на свое мѣсто, снова бросается туда, гдѣ былъ заяцъ, и повторяетъ это до тѣхъ поръ, пока не прибѣжитъ лисица, выгнавшая зайца. Та съ разу понимаетъ въ чемъ дѣло, отъ злости кидается на своего товарища и онѣ грызутся нѣсколько минутъ. Потомъ расходятся; союзъ разстроился: каждая начинаетъ стѣлбно добывать себѣ пищу. Лисица большая охотница до меду: она нападаетъ на улья дикихъ пчель, осъ и проч., которыя облѣпляютъ ее со всѣхъ сторонъ и жалятъ, сясь отогнать; но она, вмѣсто того, чтобы убѣжать, ложится на землю, катается по ней и такимъ образомъ давить ихъ; это дѣлаетъ она нѣсколько разъ, такъ-что осы оставляютъ свой медъ и улетаютъ прочь; тогда она разрываетъ землю и съѣдаетъ его вмѣстѣ съ воскомъ. Лисица очень прожорлива и не прихотлива на пищу; ничто не безопасно отъ ея нападений; живое и мертвое, все дѣлается ея добычей, если только она можетъ совладать съ

чѣмъ-нибудь; поэтому крестьяне, зарывъ падаль, наваливаютъ на нее кучи терновнику, чтобы защитить ее отъ лисицъ. Павшихъ козъ и сернъ, вмѣстѣ съ орлами и воронами, поѣдаютъ и лисицы; даже люди, заваленные снѣгомъ на Альпійскихъ горахъ, дѣлаются добычею лисицъ. Иглы ежа не спасаютъ его отъ нашей кумушки. Она дергаетъ его, мучитъ, катаетъ лапками до тѣхъ поръ, пока онъ не попадетъ въ лужицу; почувствовавъ жидкость, ежъ развертывается, — плутовка въ ту же минуту хватается его за горло и справляется съ нимъ безъ труда. Молодые серны достаются ей рѣдко, потому что онѣ весьма чутки, быстры на бѣгу и хорошо скачутъ; за то сурки не минуютъ ея когтей. Полсутки лежитъ она терпѣливо и неподвижно за камнемъ, пока не выдутъ они изъ своихъ норъ. Но вотъ показался одинъ, сѣлъ на заднія лапки и свиснулъ, лиса вздрогнула, съ наслажденіемъ оскалила зубы и завиляла хвостомъ, но не тронулась съ мѣста; вслѣдъ за первымъ показался другой, тамъ третій, а вотъ и нѣсколько десятковъ; они удаляются отъ входа въ норы, начинаютъ играть и вдругъ на нихъ, какъ грозная туча, съ быстротою молніи несется лиса; разметались бѣдные грызуны по своимъ норкамъ; но нѣсколько изъ нихъ остались въ зубахъ лисицы.

На равнинахъ жизнь лисы гораздо привольнѣе,

нежели на высокихъ горахъ. На равнинахъ она истребляетъ несчетное число виноградныхъ гроздй, сочныхъ априкосовъ, вкусныхъ грушъ, забирается въ птичные дворы, гдѣ умервщляетъ все, что попадется ей, ловить много зайцевъ, куропатокъ, перепелокъ, жаворонковъ. На высокихъ же горахъ она перебивается кое-какъ: здѣсь нѣтъ ни плодовъ, ни домашнихъ птицъ, дикихъ же гораздо менѣе и онѣ гораздо пугливѣе. За то ей иногда удается поймать прекрасную форель или немного раковъ въ прозрачныхъ хрустальныхъ водахъ лѣсныхъ ручьевъ; рыбу она очень любитъ и ловить ея хвостомъ; часто также таскаетъ ее изъ сѣтей рыбаковъ, равно какъ и птицъ изъ силковъ птицелововъ, потому что имѣетъ самыя смутныя понятія о собственности. Въ случаѣ нужды, она довольствуется жуками, медвѣдками, осами, пчелами и мухами.

Не смотря однакоже на всепоглощающій аппетитъ, она терпитъ большую нужду въ суровыя и снѣжныя зимы, когда должна прорывать ходы въ свое жилище аршина на два или на три въ снѣгу. Тогда горныя лисицы сходятъ въ долины за добычей. По утру часто находятъ ихъ слѣды около хлѣвовъ и даже въ деревняхъ, откуда однакоже скоро прогоняютъ ихъ собаки съ громкимъ лаемъ. Въ такую суровую зиму пастухи часто приманиваютъ лисицъ жареными кошками,

падалю и пр. Приманку кладутъ въ опрокинутый ящикъ, которъй укрѣпленъ на камнѣ, и при томъ такъ, что голодное животное можетъ достать только маленькій кусочекъ приманки, потому что, если приманку закрыть ящикомъ просто на снѣгу, то лисицы подрываются къ ней снизу и утаскиваютъ ее. Вблизи приманки сдѣлана хижина, откуда можно стрѣлять лисицъ. Сначала на приманку приходитъ одна или двѣ лисицы, но потомъ число ихъ увеличивается до десяти. Съ страстной жадностью бродятъ онѣ вокругъ ящика, стараются стащить его, потрясти, приподнять, роютъ лапками снѣгъ вокругъ, чтобы подраться подъ него. Выстрѣлы дѣлаютъ ихъ осторожниѣе, но не отгоняютъ прочь: голодъ не свой братъ! Если одна изъ лисицъ будетъ ранена, то остальные разомъ бросаются на нее и разрываютъ на части. Каждая лиса уноситъ въ горы по куску своего товарища, которымъ и утоляетъ свой голодъ; а тѣ, которымъ не удалось достать себѣ кусочка, долго еще копаются въ снѣгу, отыскивая, не осталось ли какойнибудь косточки или клочка шерсти. Такая же жестокая черта замѣчена и въ характерѣ волковъ. Но удивительно: если на приманку положить убитую лисицу, то онѣ убѣгаютъ отъ того мѣста и долго не показываются на немъ. Охотники объясняютъ этотъ фактъ тѣмъ, что лисицы ѣдятъ только теплое мясо своей подруги,

но такое объясненіе неудовлетворительно, потому что зимою находятъ часто старыя черепа и другія части скелета лисиць, которые очевидно вырыты изъ снѣгу и изгрызаны ихъ голодными товарищами.

Не даромъ лисица славится хитростью. Пойманная и тяжело раненая, она не измѣняетъ себѣ крикомъ боли, втихомолку грызетъ себѣ лапу и не упускаетъ ни малѣйшей возможности къ побѣгу. Если видитъ, что нѣтъ надежды улизнуть, — притворяется мертвою: ее вертятъ, бросаютъ, — она не пошевеливаетъ ни однимъ членомъ; ее кладутъ въ охотничью сумку, возвращаются домой — и сумка пуста. Она обладаетъ удивительнымъ присутвіемъ духа: если ее застаютъ въ курятникѣ, то она убѣгаетъ подъ ногами преслѣдователей, поспѣшно пробѣгаетъ дворъ, гдѣ мимоходомъ закусываетъ до смерти двухъ-трехъ гусей и одного изъ нихъ уноситъ съ собою на дорогу. Продолжительное и неутомимое преслѣдованіе заставляетъ ее прибѣгать къ самымъ утонченнымъ уловкамъ. Она бѣжитъ 15—18 часовъ безъ отдыха, не теряя ни на мгновеніе присутствія духа, потому что пользуется малѣйшею выгодою, которую представляетъ ей почва, и далеко оставляетъ за собою около двадцати охотниковъ съ собаками. Самое стѣснительное положеніе для нея тогда, когда она окружена охотниками

и нѣтъ выхода для нея. Впрочемъ Европейскія лисицы въ этомъ случаѣ гораздо находчивѣе Американскихъ и потому Сѣверо-Американцы выписали изъ Европы нѣсколько лисицъ и пустили ихъ на волю, чтобы потомъ наслаждаться английскою Fox-chase.

Въ ясныя и холодныя ночи февраля часто раздается громкій лай лисицъ; тогда крестьяне говорятъ: лисы лаютъ, погода скоро спадетъ, будетъ — теплѣе, но они ошибаются: это лисицы лаютъ, играя другъ съ другомъ. Если же слышится хриплый лай раньше, въ декабрѣ, то онъ предсказываетъ большіе холода. Лисицы, также какъ и волки, живутъ по парно и вмѣстѣ заботятся о воспитаніи дѣтей. Въ началѣ мая самка приноситъ отъ пяти до девяти слѣпыхъ дѣтенышей, которыхъ бережетъ и воспитываетъ съ истинно материнскою нѣжностью и любовью. Черезъ нѣсколько недѣль она начинаетъ выводить изъ норы красивыхъ малютокъ, покрытыхъ желтымъ пушкомъ, играетъ съ ними, приноситъ имъ птичекъ, ящерицъ, лягушекъ, жуковъ, мышей, кузнечиковъ, дождевыхъ червей и учитъ ихъ ловить этихъ животныхъ, ворчать на нихъ и раздирать ихъ. Когда дѣти подростутъ и сдѣлаются величиною съ кролика, то охотно выходятъ сами изъ норы и лежатъ по вечерамъ и утрамъ передъ входомъ въ нее, гдѣ и ожидаютъ возвращенія

родителей. Весьма рѣдко удается видѣть, какъ играетъ лиса съ своими дѣтьми, потому что она необыкновенно чутка: при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ, она убѣгаетъ въ нору, похватавъ дѣтенышей въ морду. Уже въ іюлѣ лисенята отправляются одни на охоту. Какъ только наступятъ сумерки, они нападаютъ врасплохъ на молодыхъ зайцевъ или бѣлокъ, стараются пойтать молодого рябчика или куропатку, или по крайней мѣрѣ крапивника, или мышъ, а самые молодые червяка или кузнечика. Въ это время они имѣютъ уже видъ взрослыхъ. Длинный хвостъ тщательно заметаешь слѣды, тонкія ушки стоятъ перпендикулярно вверхъ и прислушиваются ко всякому шороху; маленькіе сѣро-зеленые, косые, блестящіе глазки зорко высматриваютъ окрестность. Молодой хищникъ то встанетъ передними лапками на камень и обнюхиваетъ вокругъ, то присядетъ подъ кустъ, поджидая гнѣздовую птицу, то стоитъ по видимому безопасно на горной площадкѣ, но на самомъ дѣлѣ, подкарауливаетъ мышей, собирающихъ ночью сѣмена. Осенью молодые лисы покидаютъ отчій домъ и начинаютъ самостоятельную жизнь въ своихъ собственныхъ норахъ. Въ это время онѣ весьма не пугливы; нерѣдко ихъ можно видѣть днемъ: онѣ преспокойно идутъ на приманку или съ большою безопасностью бродятъ въ каменистыхъ мѣстахъ, а, спасаясь отъ преслѣдованій, не обна-

руживаютъ большой поспѣшности. Черезъ нѣсколько недѣль онѣ дѣлаются однакожъ гораздо осторожнѣе, выступаютъ тихо, оборачивая назадъ голову. Когда ихъ преслѣдуютъ собаки, то онѣ неохотно оставляютъ чащу лѣса или кустарника, и только въ случаѣ крайней нужды выбѣгаютъ на открытыя поля.

Не смотря на сродство лисицъ съ собаками (онѣ принадлежатъ къ одному роду), послѣднія чувствуютъ рѣшительную антипатію къ первымъ. Собака преслѣдуетъ лисицу со страстью, часто сама отъ себя, совершенно одна и по собственному расчету. Сильная собака всегда справляется съ одною лисицею; но съ двумя — рѣдко; въ послѣднемъ случаѣ она бываетъ обыкновенно сильно искутана и нерѣдко растерзана и съѣдена. Собака, поймавъ лисицу, хватаетъ ее за затылокъ, разгрызаетъ черепъ и повреждаетъ мозгъ, чѣмъ и умерщвляетъ ее, а потомъ бросаетъ, не дотронувшись до ея мяса, между тѣмъ какъ зайца она хватаетъ за брюхо и начинаетъ ѣсть его внутренности.

Охота за лисицею для неопытнаго охотника, или въ неблагопріятной мѣстности, есть потерянное время; но для искуснаго охотника она очень занимательна и прибыльна. Такой охотникъ хорошо знаетъ лисьи норы на нѣсколько часовъ впередъ; по снѣгу онъ видитъ, живетъ ли лиса въ норѣ, или нѣтъ. Передъ разсвѣтомъ онъ приходитъ къ

норѣ, располагаетсяъ близь нея, стоитъ тихо и стрѣляетъ въ лисицу, которая возвращается домой съ ночной охоты. Если же она не приходитъ къ норѣ, а между тѣмъ живетъ въ ней, то охотникъ посылаетъ собаку отыскать лисицу, которая въ скоромъ времени прибѣгаетъ къ своему жилищу и дѣлается добычею охотника. Иногда собака вгоняетъ лисицу въ нору прежде, нежели успѣетъ выстрѣлить охотникъ, или она возвратится туда раньше его прихода; тогда охотникъ убѣждается, въ норѣ ли лисица, и если она тамъ, то заваливаетъ всѣ выходы, кромѣ одного, куда ставитъ западню. Послѣ долгаго колебанія, безпомощное животное идетъ наконецъ въ нее, часто спустя недѣлю, послѣ того какъ ее поставили. Если она входитъ въ западню, которая только ловитъ ее, а не убиваетъ, то вынуть ее оттуда не совсѣмъ легко. Ее обыкновенно вытягиваютъ за хвостъ и быстро бьютъ головою о камень раза два, три, чтобы разсвирѣпѣвшее животное не успѣло искушать своими острыми зубами руку вынимаващаго. Изъ двухъ лисицъ, жившихъ, охотившихся вмѣстѣ и попавшихся въ западню, задняя начинаетъ грызть переднюю, которая не можетъ обернуться и защищаться, и въ одну ночь съѣдаетъ до трети своей подруги. Такова любовь и дружба лисицъ въ нуждѣ! Если на лисицу въ норѣ нападаетъ барсучья собака (такъ), то она дѣлается ея до-

бычею только послѣ жаркой схватки. Барсукъ, при нападеніи на него, долгое время защищается лапою, нанося ею удары, и только въ крайнемъ случаѣ кусаетъ; лисица же при первой встрѣчѣ съ таксомъ шипитъ, скалитъ зубы и кусаетъ; наконецъ, когда видитъ, что нѣтъ спасенья, перескакиваетъ черезъ своего противника и съ быстрою молніею вылетаетъ изъ норы, такъ что охотникъ, поджидающій ее, едва успѣваетъ выстрѣлить.

Лисицы весьма живучи: пойманныя и привязанныя цѣпью за ногу, онѣ часто перекусываютъ свою ногу и убѣгаютъ. Извѣстно также, что онѣ обладаютъ стоическою твердостью: умираютъ съ голода, не дотрогиваясь до пищи, которая стоитъ передъ ними. Лисицы выдерживаютъ довольно сильный зарядъ, если онѣ попадетъ имъ въ задъ, но умираютъ отъ слабаго въ носъ. Живучесть животныхъ весьма различна. Козуля, заяцъ, черный козель умираютъ отъ самой легкой раны; напротивъ того, лисица, серна, куница, волкъ, даже бѣлка и дикія, а равно и дамашнія кошки, оправляются отъ самыхъ жестокихъ ранъ. Одинъ охотникъ открылъ лисицу въ ея норѣ, схватилъ ее за заднія ноги, обрѣзалъ на одной изъ нихъ тяжъ надъ пяткою и потомъ бросилъ ее на землю,

сказавъ: «ну, теперь ты далеко не ускачешь!» Какъ-бы въ отвѣтъ на это, лисица вскочила и на трехъ ногахъ исчезла изъ виду.

Лисицы, также какъ собаки и волки, подвержены страшной болѣзни — *водобоязни* или *бѣшенству*. Бѣшенныя лисицы безъ всякой цѣли слоняются по полямъ и лѣсамъ, бродятъ безъ всякаго страха по деревнямъ и не принимаютъ никакихъ предосторожностей. Если бѣшеную лисицу прогоняютъ, то она убѣгаетъ неохотно и даже съ сопротивленіемъ, хватаетъ что ни попало: собакъ, дѣтей, кошекъ и пр., не имѣетъ такой живучести, какъ здоровая: не разъ случалось, что дѣти убивали бѣшенныхъ лисицъ черепками, камнями и пр. Бѣшенныя лисицы никогда не поднимаютъ своего хвоста, между тѣмъ какъ здоровыя бѣгутъ съ поднятымъ хвостомъ и опускаютъ его, и то не на землю, только когда идутъ шагомъ. Бѣшенство лисицъ случается довольно часто, хотя настоящая причина этой болѣзни еще не извѣстна; впрочемъ укушеніе бѣшенныхъ лисицъ не такъ опасно, какъ укушеніе бѣшенныхъ собакъ. Кромѣ бѣшенства, лисицы подвержены еще многимъ тяжкимъ болѣзнямъ: коростѣ, изнурительной чахоткѣ и пр.

Лисица дѣлается ручною скорѣе и легче, нежели волкъ; но отъ прирученія лисицъ не можетъ быть большой пользы. Она никогда не можетъ сдѣлаться такимъ домашнимъ животнымъ, какъ со-

бака, и навсегда остается плутомъ и ловкимъ воромъ. Если поймають молодую лисицу, то она легко ручнѣетъ, привыкаетъ къ своему хозяину, охотно и дрозелюбно играетъ съ нимъ, и когда радуется, то изъясляетъ свою радость визгомъ, скачками и виляніемъ хвоста, подобно собакѣ. Ручныя лисицы безъ боязни ходять по всему дому и двору и любятъ манерничать и кривляться. Вечеромъ онѣ убѣгають въ поле или въ лѣсъ, а ночью опять возвращаются домой: такъ по крайней мѣрѣ вели себя молодыя лисицы, жившія у Чуди, извѣстнаго естествоиспытателя, изслѣдовавшаго Альпы. Одна изъ нихъ до того подружилась съ маленькою дѣвочкою, что разъ, когда этой лисицѣ случилось уйдти изъ дому и пропадать нѣсколько дней, она слышала голосокъ своей подруги въ полѣ, тотчасъ же прибѣжала къ ней и уже болѣе не уходила. Лисицъ нельзя приручать еще и по ихъ непріятному запаху.

Ночная жизнь лисицъ отразилась въ строеніи ихъ глазъ: зрачекъ у нихъ, какъ у кошекъ, не круглый, а продолговатый при дневномъ свѣтѣ; ночью же онъ расширяется и пропускаетъ въ глазъ большое количество лучей свѣта; такимъ образомъ онѣ легко различають предметы и при слабомъ свѣтѣ.

Хищность лисицы обнаруживается въ строеніи ея зубовъ, челюстей и пищепріемнаго канала.

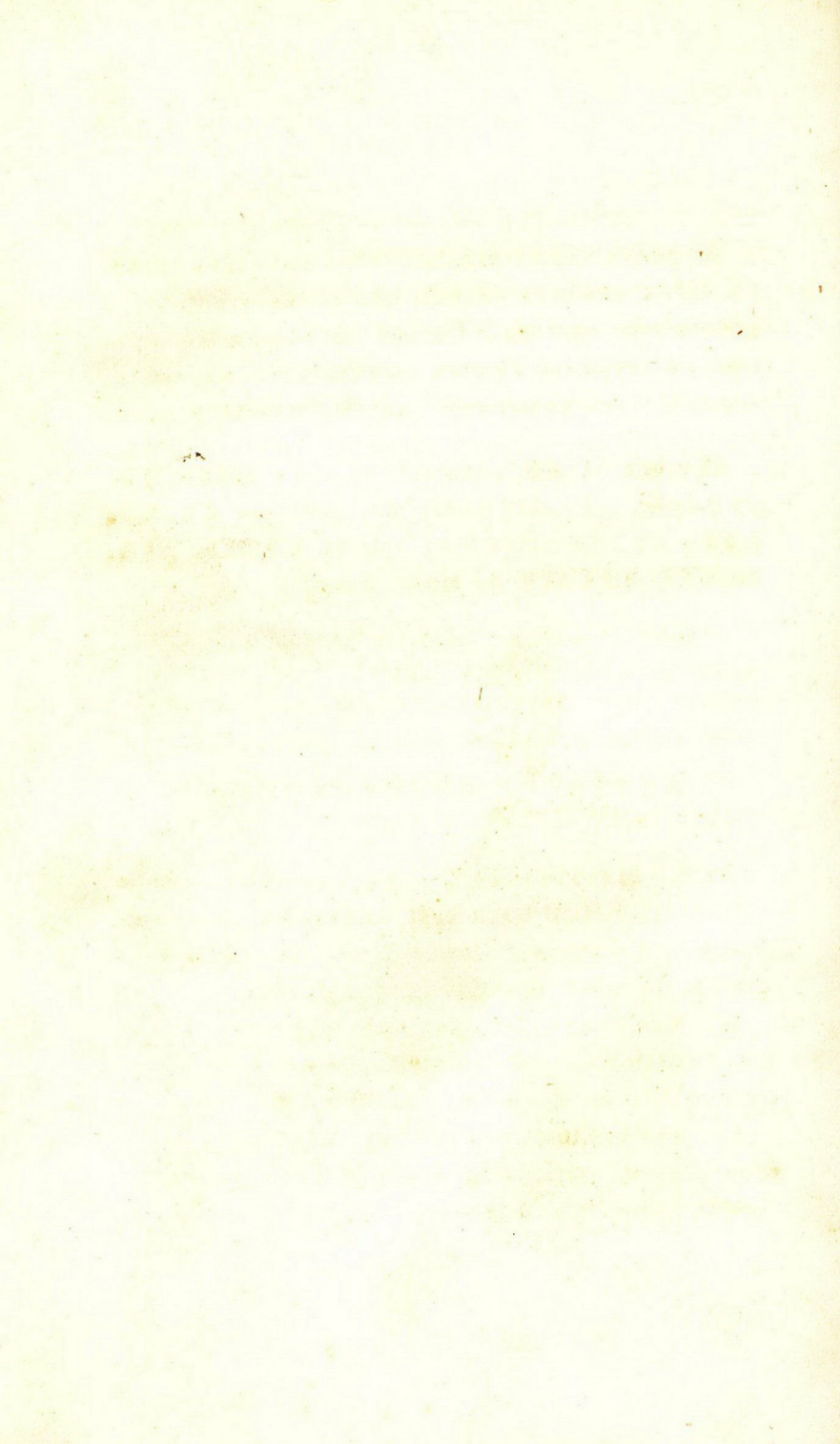
Послѣдній у нея, какъ у всѣхъ хищныхъ, коротокъ, только въ четыре раза длиннѣе туловища, между тѣмъ какъ у животныхъ, питающихся исключительно растительною пищею, онъ гораздо длиннѣе, напр. у овцы въ 28 разъ длиннѣе туловища, и это понятно почему: мясо гораздо питательнѣе и гораздо легче превращается въ кровь того животнаго, которое питается имъ; траву же гораздо труднѣе превратить въ мясо животнаго, которое кормится ею; а поэтому и пищеварительный каналъ такихъ животныхъ длиннѣе. Челюсти у лисицъ, какъ и у другихъ хищныхъ животныхъ, весьма сильны, потому что у нихъ очень развиты жевательные мускулы, отчего и морда у нихъ острая. Сила челюстей увеличивается тѣмъ, что нижняя челюсть двигается только по одному направленію, именно: вверхъ и внизъ; но она не можетъ двигаться въ стороны и взадъ и впередъ, какъ у насъ или какъ у травоядныхъ животныхъ, напр. у коровъ. При томъ, верхняя челюсть шире, чѣмъ нижняя; поэтому нижніе зубы не противъ верхнихъ, а заходятъ за нихъ, какъ лезвія ножницъ, такъ что во время лихорадки зубы лисицъ не стучатъ другъ о друга, какъ у насъ, и пища разрѣзывается зубами, какъ ножницами. Зубы лисицы, какъ всѣхъ млекопитающихъ, раздѣляются: на передніе или рѣзцы, глазные или клыки и коренные. Передніе, числомъ 6 на каждой че-

люсти, мелки, съ зубцами, и служатъ только для схватыванія и держанія добычи. По бокамъ ихъ, по одному съ каждой стороны, сидятъ длинные, вострые клыки, конической формы, съ вершиной, загнутой назадъ. Ими лисица убиваетъ добычу и раздираетъ ее на части. За клыками, по бокамъ челюстей, сидятъ коренные зубы, которые бываютъ трехъ родовъ: ложно-коренные, — сжатые со сторонъ, вострые, обыкновенно тризубчатые, числомъ на верхней челюсти три, на нижней — четыре, служатъ для разжевыванія мяса; за ними находятся плотоядные, по одному съ каждой стороны, которые формою похожи на ложно-коренные, только со сторонъ имѣютъ вострые или тупые бугорки; ими можно разжевывать какъ растительныя, такъ и животныя вещества; наконецъ сзади плотоядныхъ зубовъ находятся настоящіе коренные зубы или бугорчатые, съ тупыми бугорками; они служатъ для раздавливанія и раздробленія мякоти плодовъ и другихъ растительныхъ веществъ. Если бы у лисицы не было такихъ зубовъ, то она не могла бы лакомиться виноградомъ, грушами и другими плодами. Такіе же зубы и столько же числомъ имѣютъ собаки, волки, шакалъ и нѣкоторыя другія животныя, почему ихъ и причисляютъ къ одному собачьему роду. Лисица и всѣ эти животныя

имѣютъ также по пяти пальцевъ на переднихъ ногахъ и по четыре на заднихъ.

О животныхъ, сродныхъ съ лисицею, мы поговоримъ въ другой разъ.

Д. Михайловъ.

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ. Смотри по содержанію статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за 12 книжекъ въ годъ ШЕСТЬ рублей, съ доставкою на домъ — СЕМЬ руб., съ пересылкою въ города СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. сер.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньми въ теченіи 1859 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ петербургскую контору журнала.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.